

В^{Юрий}ИННИЧУК

CF FOLIO

АПТЕКАРЬ

Юрий Винничук

Аптекарь

«Фолио»

2015

ББК 84(4УКР)

Винничук Ю. П.

Аптекарь / Ю. П. Винничук — «Фолио», 2015

ISBN 978-966-03-7766-0

События романа Юрия Винничука «Аптекарь» происходят в 1646–1648 годах сначала в Венецианской республике, а потом – во Львове. Богатый, многообразный исторический фон умело использован для увлекательной игры в «действительное-недействительное», в которой персонажи исторические соседствуют с вымышленными, а их сложные отношения со временем формируются в любовные треугольники. И при этом фантазийные описания выглядят как вполне реальные, авторский вымысел отходит на второй план, заставляя читателя верить в мир, сотканный из сна. Проза Ю. Винничука – это всегда интригующий рассказ, рожденный благодаря бурному воображению мастера многочисленных изысканных стилизаций.

ББК 84(4УКР)

ISBN 978-966-03-7766-0

© Винничук Ю. П., 2015

© Фолио, 2015

Содержание

Вступление	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	31
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Юрий Павлович Винничук

Аптекарь

«В этом городе, как и в Венеции, стало обычным делом встречать на Рынке¹ людей всех стран мира в их одеждах... Город отдален от моря более чем на сто миль. Но когда увидишь, как на Рынке возле бочек с мальвазией² бурлит толпа китайцев, турок, греков, итальянцев, одетых так, словно они только что сошли с корабля, то кажется, что порт находится сразу же за воротами города».

Мартин Груневег

(1562 – после 1606),

немецкий купец и путешественник

¹ Рынок – центральная площадь Львова, центр экономической, политической и культурной жизни города.

² Мальвазия – вино из одноименного винограда, растущего в Средиземноморье.

Вступление

Она бежит по лесу, черному и неприветливому, поскользываясь в своих легких сапожках и спотыкаясь о хворост и корни, ежевика хватается за бедра, сучья дергают за волосы, а она бежит и прислушивается к преследователям. Темные растрепанные пихты тянут к ней свои ветви, дорогу преграждают камни, поросшие скользким мхом, а то и вовсе скалы, из которых торчат черные руки и хватают ее за плечи, зловеющий шепот обволакивает со всех сторон. Кажется, все для нее в этом лесу враждебно, нет никакой возможности спрятаться – хоть какой-нибудь норы или пещеры, где можно затаиться, и чтобы никто, кроме нее, не мог туда проникнуть. Хочется превратиться в белку. Страх бьется в ее груди, слезы заливают глаза, она чувствует, что задыхается.

– Не хочу, не хочу, – шепчет она и бежит, а над головой вспархивают разъяренные птицы и разрезают воздух крыльями. Она понимает, что это конец, ей не удастся спастись, но надежда еще теплится. Голоса преследователей сливаются с шумом деревьев, треском веток, громким топотом и лязгом оружия. Она бежит у них на глазах и слышит их хохот. Для них это обычная охота. Они не пощадят ее за то, что она сделала. За такое не щадят. За такое убивают. Потому что она – никто. Она имеет не больше прав на жизнь, чем какая-нибудь букашка.

Ноги и руки пекут от множества царапин, но все это еще можно стерпеть и пережить, главное – спастись, вырваться из леса, ведь он же не бесконечный. Она уверена, что бежит в правильном направлении – туда, откуда ее привезли. Вот-вот должна появиться прогалина, а там и луг, а на лугу – пастбище и люди. И ей уже кажется, что она видит просветы между деревьями, видит целые снопы солнечных лучей. Она бежит изо всех сил, чувствуя, как воздух разрывает ей грудь. Воздух становится жгучим и болезненным, она уже дышит сплошными охами и всхлипами, но впереди манит к себе свет, вселяющий надежду, и не просто свет, а большой светлый простор, который она сейчас распорет своим отчаянным криком, невероятно громким, таким, который сможет достичь стен города.

Лес расступается, она выбегает на сруб, минуя пеньки и спиленные стволы, и теперь уже верит, что спасется. Она ни разу не оглянулась, но слышит их, этих охотников, которые за ней идут. О, нет – они не идут, они едут верхом! И тут ее пронизывает страшная и беспросветная догадка: они просто играют с ней, растягивают удовольствие, и, если бы они хотели, то давно бы уже догнали и затоптали ее копытами. Весь ее побег – лишь забава, развлечение, и не более. Ей не удастся вырваться за границы леса. И тогда силы покидают ее.

Глава 1

Черная повязка

Из записок Лукаша Гулевича, доктора медицины в городе Львове, написанных 23 марта года Божьего 1648-го.

«Во имя Господа нашего Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы хочу я, Лукаш Гулевич, пребывая в сознании и совершенно в уме моем, составить сие признание перед лицом смерти и на случай, если Бог милосердный душу мою с грешным телом разлучит, ее в руки Владыке Богу Отцу Вседержителю поручаю, уповая на милость Его. А тело мое грешное кто бы в землю ни похоронил, за то ему, надеюсь на милость Божию, Бог милосердный заплатит.

Родился я в Страдче под Яновом в семье местного священника, где провел лучшие годы моей жизни, полные безмятежности и тихого детского счастья, которое время от времени все же было омрачено смертями и потерями. Семья моя была не слишком богатой, однако хозяйственной, отец умел не только отправлять службу Божью, но и торговать скотом, перегоняя в Мадьярию коров, а назад пригоняя лошадей, а при этом не раз ему еще и приходилось давать отпор разбойникам. Но с возрастом он все же бросил это выгодное дело и завел пасеку. Так что он любой ценой хотел, чтобы я выучился на кого-нибудь путного, видя, что из меня ни священник, ни торгош не получится, и откладывал копейку к копейке, отказывая себе в самом необходимом и надевая один и тот же старый выцветший подрясник, в котором отслужил первую службу. Когда же я вырос, и настала пора меня выпроводить в мир, у родителей не осталось кроме меня никого из детей. Старший мой брат, как это было у галичан в обычае, поступил на службу в королевские драгуны и погиб в бою с казаками Тараса Трясило. Две младшие сестры умерли еще во младенчестве.

И когда настал тот день, и отец вывел из конюшни коня, над которым дрожал и на которого дышал, не позволяя его запрячь ни в одну повозку, а предпочитая везде трястись на своей старой кляче, а мама с мокрым от слез лицом обцеловала меня, я с ужасом понял, что могу их больше не увидеть, ведь я был довольно поздним ребенком. У меня подкатил комок к горлу, и я едва сдержался, чтобы не прослезиться, чувствуя, что это только еще больше расстроит моих родителей. Тот мир, который ждал меня, манил и раскрывал мне свои объятия, похоже, выпустит меня не так скоро, и неизвестно, удастся ли мне приспособиться к его капризам и обычаям. Я чувствовал себя птицей, вдруг вывалившейся из гнезда. Впереди расстилалась дальняя дорога без возврата, такое путешествие сильно отличалось от любого другого, которое в конечном итоге вело бы к родным воротам. Моя дорога вела в неведомое и не была ограничена во времени, она могла продолжаться невесть сколько, сплетая передо мной паутину тропинок, лабиринты неизведанных проселков с тревожными знаками на перекрестках. Конечно же я тогда еще не думал о том, что только такое путешествие, путешествие без намерения вернуться, открывает нам новые горизонты и новые окна.

Отец вручил мне небольшой кошелек на дорогу и пояснил, что для безопасности все средства на мое обучение передал Мордехая Шиферу из Равы, от которого у меня есть письмо его брату в Венеции, положившего такую же сумму, которую получил Мордехай, в «Banca della Piazza de Rialto». У Мойшеля, брата Мордехая, есть небольшой постоялый двор, и он с радостью примет меня. Мама меня перекрестила, и я увидел на ее лице только грусть и отчаяние. Она уже понимала, что мы больше никогда не увидимся, и стремилась отразить мой образ в своей памяти не только отчаянным взглядом, но и прикосновением, взяв мое лицо в ладони

и проведя по нему пальцами. Я прижал к губам ее руки, они пахли коноплей, которую мама только что мяла, и запах этот остался у меня в памяти на всю жизнь.

Путешествие мое в Венецию продолжалось две с половиной недели и не запомнилось ничем особенным, разве что в Клагенфурте у меня украли лошадь, пока я обедал в шинке. К счастью, торба моя была при мне. Итак, далее я добирался иногда пешком, а когда и на подводах, стараясь не оставаться в дороге один, поскольку везде подстерегали разбойники и разные бродяги и проходимцы, которые только и поджидали такого, как я, путешественника. Постоялый двор «Под Серебряной Черепахой», расположенный в квартале Риалто, соответствовал своему названию только частично, потому что ничего серебряного я там не заметил, но то, что все действительно отличалось черепашьей неторопливостью, это так. И хотя я нашел туда дорогу довольно быстро, но когда стал спрашивать о пане Шифере, никто не мог понять, чего мне надо, но при этом делал вид, что со всей серьезностью задумывается над моими словами, повторяет их, перебирает губами и корчит такие гримасы, словно пребывает в невероятно философских размышлениях. Я уже было и духом пал, когда наконец появился солидный коротконогий толстяк и ударил меня по плечу:

– Не ты ли будешь Лукаш из Страдча? Так я как раз тот, кого ты ищешь. Но здесь я не Мойше Шифер, а Микаэле Чиффери, – и он зашелся здоровым заразительным смехом, который мгновенно подхватили все присутствующие, а мне показалось, что и лошади заржали. – Тебя тоже никто Лукашем здесь звать не будет, – порадовал он меня, – и очень скоро ты превратишься в Луку или Лучано.

Сказав это, он потащил меня всередину и угостил здоровенным куском паштета с тушеной капустой, которую я залил кувшином вина, а затем он объяснил, каким образом я должен получать средства на обучение и проживание. Все деньги были распределены так, чтобы ежемесячно я мог получать десять дукатов. И впоследствии я не мог не отметить мудрости моего отца, который таким вот образом обезопасил меня от молодецких порывов разбазарить средства заранее, что частенько случалось с разными студентами на моих глазах.

Так я начал свое обучение в Падуанском университете, сначала на фармации, а затем на хирургии, и продолжалось оно с перерывами добрых восемь лет, потому что в 1635 году я еще поехал в Кенигсберг, где стал свидетелем первой в Европе хирургической операции на желудке, которую осуществил знаменитый впоследствии хирург Даниэль Швабе. Операция эта была очень интересная, попался ему пациент довольно необычный, а точнее, больной на голову, потому что, насмотревшись на ярмарке на фокусы различных шарлатанов, загорелся что-то подобное показать сельским девушкам. А поскольку больше всего его поразили глотатели ножей, то он, дурак дремучий, взяв обычный нож, стал запихивать его в глотку, не догадываясь, что ловкачи используют для этой цели специальные ножи, лезвие которых легко заходит в рукоятку. Словом, он этот нож таки запихнул себе в горло, а нож и проник прямым в желудок.

Дальше было так. Пациента привязали крепко к столу, дали ему выпить стакан аква виты, а затем пан Даниэль взял ланцет и вскрыл ему сначала живот, а потом и желудок, сунул руку и вытащил нож, длина которого, когда его измерили, была семь цалей.³ К счастью, тот парень оказался жилистым и без пуза, так что легко удалось его зашить. Публика приветствовала эту удивительную операцию аплодисментами, а пациента отнесли на носилках домой. Через несколько дней он уже ходил.

Это зрелище так меня поразило, что я решил остаться в Кенигсберге еще немного, тем более, что в 1637 году произошло второе знаменательное событие, а я бы сказал даже революционное, потому что в то время, как по всей Европе расчленения трупов с научной целью

³ Цаль – как и дюйм, имеет 2,54 см.

запрещали и преследовали, за исключением разве что трупов казненных преступников, а студенты должны были трупы похищать на кладбищах, чтобы проводить опыты, профессор Бутнер построил свой частный анатомический театр, где хирурги имели возможность оперировать и производить вскрытия для широкого круга учащихся. Должен сказать, что и мне повезло участвовать в таких операциях, несколько я даже провел собственноручно.

Там же в Кенигсберге свела меня судьба со студентом Мартином Айрером из Зальцбурга, с которым мы подружились настолько, что не захотели расставаться, и я убедил его продолжить учебу в Падуе. Он как раз решил после двух лет обучения на хирургии перейти на фармацию, а Падуя и Венеция славились своими фармацевтами. Так что, пока Мартин потел над старинными фолиантами по фармакологии, я посещал подпольные анатомические лекции. В Падуе с анатомическими лекциями были проблемы после того, как папа Бонифаций VIII запретил вскрытие трупов. Но безвыходных ситуаций не бывает. Подпольная торговля трупами процветала. Только лишь кого-то похоронят – на следующий день его могила уж пуста. Делалось это, конечно, тайно, а похитители пытались приводить могилы в первоначальный вид. Бывали случаи, когда ради заработка кого-то даже убивали, а труп продавали в университеты. Так что лекции по анатомии читались в глухих подвалах, и чаще ночью, чем днем.

Жили мы с Мартином вместе у одной пани, у которой была небольшая пекарня, так что проблем с хлебом у нас не было, хотя мы больше воровали его, чем покупали. Но через какое-то время она уже стала поставлять нам хлеб даром, после того, как Мартин подготовил ее на омоложение. Процедура заключалась в том, что он стал закапывать ей в глаза сок белладонны, от чего зрачки у нее расширялись, и она выглядела теперь мечтательной и загадочной, хотя и теряла четкость зрения. Лицо она мазала кремом Мартина, который разглаживал морщины, а настроение себе поднимала моими каплями Афродиты, как называли мы их с Мартином, а на самом деле это был настой на обычных мухоморах. Грибы я перетирал в ступке и заливал очень крепкой граппой, дня через два-три сцеживал и разливал по маленьким флакончикам. Благодаря каплям Афродиты наша хозяйка была всегда веселой и смешливой, могла смеяться без причины, аж заходиться смехом, чем неплохо привлекала покупателей, которые тоже не сдерживались и хохотали, заразившись ее праздничным настроением. И в конце концов ей удалось-таки округлить одного состоятельного купчика. Теперь они хохотали вдвоем, ибо купчик и сам к тем каплям пристрастился, превозносил их как непревзойденный афродизиак, в чем мы и сами убедились, слыша, какие звуки раздаются по ночам из их спальни.

Окончив учебу, я начал размышлять, как бы мне использовать полученные знания и каким образом усовершенствовать их на практике, и желательно при этом найти выгодное место работы, потому как родительские деньги закончились, а сами они к тому времени умерли. Возвращаться было некуда, а в Падуе оставаться было нечего. Поэтому я перебрался в Венецию, надеясь отыскать там что-то стоящее. Но вскоре произошло событие, которое решительно повлияло на мою жизнь и повернуло ее так, как мне и не снилось.

Венецианская республика переживала неплохие времена, торговля развивалась, деньги стекались звонкими ручейками, и ничто не предвещало беды, как вдруг пришла беда от рыцарей святого Иоанна, прозванных мальтийскими, унаследовавших от тамплиеров церковь и монастырь в Венеции. Это были люди, которые презирали всех, кто живет за счет торговли, в то время, как чуть ли не вся Венеция торговала, а следовательно, венецианцы и рыцари взаимно ненавидели друг друга и при каждом удобном случае схлестывались. В отличие от венецианцев, рыцарей ничто так не интересовало, как священная война с турками, и их страшно злило, что Венеция, увязнув в эпикурейском быту, блаженствует, тогда как турки постепенно захватывают все более обширные территории Европы. И уж совсем их разозлило, что венецианцы пытались во что бы то ни стало сохранить мир с султаном и ни за что не хотели опрометчивым поступком его нарушить.

Рыцарей венецианцы терпели и ограничивались только нотами протеста, когда те переходили границу, потому что рыцари делали много полезного. В частности, иоаннитский госпиталь в Венеции был на удивление образцовым, я сам в этом убедился, когда проходил там практику по хирургии. Среди рыцарей были очень хорошие врачи, а уж об уровне гигиены нечего и говорить – подобного не было нигде. Не забывали рыцари и давних своих традиций и время от времени громили турок, но не в открытых сражениях, а в пиратских наскоках на турецкие корабли, и, увлекшись этим разбойничьим делом, не гнушались разбивать и христианские корабли, даже венецианские. В конце концов они превратились для Венеции в большую проблему. Но сколько бы венецианские дожи не протестовали и не возмущались, рыцари на это внимания не обращали и продолжали свой разбой даже после того, как в сентябре 1644 года дождь пригрозил наложить арест на все рыцарское имущество. Через месяц после этого рыцари спровоцировали войну.

Мы с моим товарищем Мартином, который тоже окончил учебу, находились как раз на одном из рыцарских кораблей, который был частью эскадры из шести судов. Мы занимались ранеными, которых забрали с греческого острова Карпатос, выкупив их из рук местных пиратов. По дороге мы встретили турецкий галеон, и командор эскадры Рино ди Кавалья, чтоб ему пусто было, не долго размышляя, приказал взять его на абордаж. На галеоне воинов было как кот наплакал, поэтому они не сильно сопротивлялись и быстро сложили оружие. Зато, как потом выяснилось, на борту находились богатые турецкие паломники, направлявшиеся в Мекку. Среди них был также старший внук султанского двора, кадий Мекки, а еще десятка три неплохих гаремных одалисок и около полусотни греческих рабов.

Захватив судно, эскадра причалила у острова Кандии или, как прозвали его греки, Крит, где рыцари высадили рабов и коней и запаслись водой. Но недолго мы находились на Кандии, вскоре появился венецианский чиновник, выругал нас и настоял, чтобы рыцари покинули остров, так как у него не было никакого желания вызывать на себя гнев турок. Поэтому мы еще несколько раз причаливали с разных концов острова, но отовсюду нас гнали, как шелудивых псов, пока мы не прибыли на Мальту, где и покинули турецкий корабль, который был уже совершенно непригоден для плавания.

Султан Ибрагим, которого все считали безумцем, ибо как можно было не сойти с ума, проведя всю свою сознательную жизнь в заключении, услышав о том, что произошло с галеоном, взбесился не на шутку и приказал убить всех без исключения христиан империи. Еле его утихомирили и упростили отозвать этот приказ, но намерений отомстить венецианцам, которых теперь он считал зачинщиками этого бесчинства, он не оставил. Для него было достаточно того, что рыцари причаливали на Кандию, которая принадлежала Венеции, следовательно, венецианцы были в этом замешаны.

Вскоре, когда мы с Мартином снова оказались в Венеции, прозвучала тревожная весть: султан снаряжает большую военную флотилию. Венецианцы, со своей стороны, приготовились к отражению и набрали войско числом в две с половиной тысячи, куда также входили военные инженеры и медики. Мы сразу вызвались в эту команду, тем более что средств на жизнь у нас становилось все меньше и меньше, а работать за так и за еду в рыцарском госпитале мы уже не могли, потому как обносились до того, что скоро на нищих стали бы походить. И вот на тридцати галерах и двух галеасах под руководством Андреа Корнаро отплыли мы 10 февраля 1645 года в направлении Кандии, планируя там задержаться, так как все тогда думали, что турки двинутся на Мальту. Но в марте стало понятно, что турки решили захватить именно Кандию. Теперь все зависело от того, насколько быстро придет венецианский флот.

30 апреля четыреста турецких парусников с пятьюдесятью тысячами воинов прошли Дарданеллы, а 25 июня завоеватели уже высадились на северо-западе острова и захватили Ханью. Если бы мы поторопились, Ханью можно было бы еще спасти, но наш флот задер-

жался в дороге, ожидая еще двадцать пять парусников из Тосканы и Неаполя и от Мальтийского ордена и Папы Римского. Это была большая ошибка, которая потом сказалась. Пока мы прибыли на остров, турки осадили крепость Сан Теодоро. Комендант Бяджо Джулиани, видя, что не удержит крепость, дождался начала осады, выпустил как можно больше турок внутрь и поджег склад с порохом – на воздух взлетели и турки, и мужественные защитники, и сама крепость.

А дальше нас подстерегала неприятность за неприятностью, поскольку, к сожалению, венецианские скупердяи выделали на кампанию слишком мало средств, и Корнаро с большим трудом мог набрать войско на самом острове. А затем адмирал Корнаро вдруг сошел с ума. По правде говоря, мы и раньше замечали за ним разные странности и удивлялись, какому умнику пришло в голову выбрать именно его командующим флотом. Потому что он, бывало, закрывался в своей каюте и ни за что не хотел выходить, когда позарез нуждались в каких-то его указаниях, а закрывался он там не ради какой-нибудь там феи Средиземноморья, а просто потому, что играл в восковые солдатки, которых у него было разве что не сотня, и вел с ними баталши, расставляя их на полу и на четвереньках ползая возле них, как нищий, собирающий рассыпанные деньги. Словом, он удрал, пересев на корабль, который должен был отвезти беженцев в Венецию. Мы пробовали отбить Ханью, но из-за штормов вынуждены были отступить.

Вторая неприятность не замедлила приключиться. Часть флота под командованием папского адмирала Николо Людовизи, владельца Пьомбино, который и до того сетовал на экспедицию и демонстрировал свою неприязнь к ней, вернулась домой. Венеция осталась один на один с турками. Что и говорить – Венеция по-прежнему должна была рассчитывать только на свои силы. Поэтому из Венеции на Кандию начали отправляться корабли за кораблями, груженые разнообразным снаряжением и продовольствием, однако не хватало главного: на острове не было верховного главнокомандующего, не было человека, который мог бы возглавить сопротивление туркам. Сенат Венеции долго дебатировал на эту тему, прежде чем выбрал самого дожа Франческо Эрицо – старого трухлявого гриба, только что отпраздновавшего свой восьмидесятый день рождения, да еще и с таким размахом, словно страна не вела войны.

К счастью для Венеции, уже сами приготовления к походу так измотали старика, что через три недели, 3 января 1646 года, он отдал Богу душу. Его кресло унаследовал Франческо Молин, тоже не первой свежести, но венецианцы совершенно отвергли идею назначить верховного главнокомандующего. А поскольку денег не хватало, они стали открыто торговать должностями прокураторов по двадцать тысяч дукатов каждая. Богачи сразу бросились покупать, и скоро удалось продать их около полусотни, но уже по восемьдесят тысяч. Затем за двести дукатов продавали места в Большом совете, а кто хотел войти в состав аристократии, должен был взять на содержание на весь год тысячу воинов, а на это уходило уже не менее шестидесяти тысяч.

Словом, тянулась эта вольтанка долго, венецианцам никто на помощь не приходил, и союзников у них не было, но их флот мужественно отражал все атаки неверных. Нас с Мартином записали на корабль, который был под руководством Томазо Морозини и назывался «Санта-Каталина». И вот, когда мы в числе двадцати трех кораблей блокировали доступ к Дарданеллам, удерживая турецкий флот в Мраморном море, для нас обеих эта затяжная кампания закончилась.

Как я уже писал, султан Ибрагим был большим безумцем, и то, что турецкий флот никак не мог пробиться сквозь нас, еще больше вывело его из равновесия. Он приказал немедленно отрубить своему адмиралу голову. Следующий адмирал, хорошо понимая, что его ждет, проявил достойную удивления решительность и, в конце концов, пробился сквозь линию наших кораблей.

Что и говорить – наморочились мы с Мартином за все это время так, что ходили будто пришибленные, приходилось доставать множество пуль, а еще больше зашивать ран, ампутировать рук и ног, а поскольку медиков не хватало, то нас и на другие корабли перебрасывали. За такую нашу ловкость сам адмирал вручил нам по целому кошельку дукатов. Пробывли мы в море, участвуя в бесконечных битвах и осадах, почти полтора года, и остались бы еще, но турецкое ядро зацепило мое колено так неудачно, что я сразу стал калекой, а Мартин потерял глаз. Мне было трудно ходить на костылях и участвовать в битвах, как раньше, не имея возможности действовать быстро, да еще и на корабле, который все время покачивался. Пользы от меня как медика было меньше, хотя я и пытался преданно служить богу Асклепию. К счастью, прибыло новое медицинское пополнение, и тогда было решено отправить нас обратно в Венецию, хотя адмирал и был против, пока мы не пообещали ему, что вернемся, когда подлечимся. Однако с меня этой войны было предостаточно, поскольку видно было и невооруженным глазом, что конца ей не будет и края.

В Венеции мы действительно подлечились – Мартин, правда, глаз не спас, но нога моя зажила, и я уже мог ходить без палочки, хотя и прихрамывал. Мы с радостью наверстывали то, что потеряли на войне, погрузившись в гулянки и любовные приключения, порой даже с дуэлями. Но было понятно, что такая веселая жизнь, которую вели мы в ту пору, долго продолжаться не могла – деньги-то заканчивались. Некоторое время я пытался самостоятельно найти, куда бы прибиться, но республика находилась в состоянии войны, на всем экономии, и медикам предлагали работу только за стол и ночлег, хотя и обещали со временем найти какие-нибудь средства. Я подумал, что именно на таких условиях и работал почти все время, редко получая плату, и в свои тридцать с лишним лет должен был до чего-то доработаться, а то – ни дома, ни жены, даже на девку денег ни черта нет. Наконец, хорошенько все взвесив и понимая, что и горсти оставшихся дукатов скоро не станет, я решил возвращаться на Русь, вспомнив о своем университетском товарище, который выехал раньше, получив приглашение в имение черкасского полковника. Он и меня убеждал ехать с ним, мол, полковник заинтересован, чтобы в своей полковой больнице иметь хорошего хирурга, но на то время у меня еще были некоторые амбиции и иллюзии, я думал, что смогу зацепиться где-то в Австрии или Баварии, а может, и в Праге, потому что после Падуи и Венеции не очень-то хотелось ехать в глушь. Однако на все мои письма, разосланные разным герцогам и графам, я получил отказ или молчание. Осенью размышлять дальше уже не было возможности, потому как совершенное безденежье напоминало о себе каждый день.

А тем временем мой друг Мартин Айрер собрался в дорогу во Львов, где его ждало наследство после только что умершего дяди. Покойник был аптекарем, и не простым, а с титулом «королевский», потому что каждый раз, когда король прибывал во Львов, его обслуживали только в этой аптеке. У дяди не было детей, а поскольку он был зажиточным, то полностью оплатил Мартину обучение на фармации, ведь Мартин, как и я, остался сиротой.

К счастью – хотя, кто знает, действительно ли к счастью, о чем, панове, вы сможете судить только в конце моего повествования, – он предложил мне составить ему компанию в путешествии, и тогда меня это очень порадовало. У Мартина во Львове не было никого из знакомых, и он никогда там не бывал, но множество раз слышал об этом известном городе, поэтому он подбивал меня оставаться с ним во Львове и вместе управлять аптекой, при этом не пренебрегая врачебной практикой. Мне не хотелось начинать свою карьеру с того, что я буду сидеть у кого-то на шее, но выхода не было, и мы отправились в путь в ноябре 1646 года. Альпы уже были покрыты снегом, и гигантские сосны вдоль гористого пути приветствовали нас, как стражи в ад – снежная вьюга мела в лицо, а лошади испуганно фыркали и еле брели. С Божьей помощью мы преодолели этот сложный путь, в конце концов, мы были не одни, а присоединились к группе купцов, а уже за Альпами встретила нас теплая осень и роскошные винодельни Кремса и Шпица, где мы на несколько дней остановились и попробовали местные

вина. Такая хорошая погода сопровождала нас и дальше, пока мы не проехали Карпаты, а в Галицкой Руси нас уже ждали снега.

Мы ехали по снежной долине, которую продолжали засыпать хлопья снега, склонившись на лошадиные гривы и вздыбившись, словно вороны, в своих черных плащах и черных шляпах, надвинутых на глаза. Иногда бросали взгляд вперед себя, а затем снова успокаивались и дремали, покачиваясь в такт с головами лошадей. Далеко впереди в легкой дымке уже угадывались колокольни Шкла из-за земляного вала с частоколами.

И когда мы радовались, что уже скоро, через несколько каких-то миль окажемся во Львове и, наконец, отдохнем в тепле и уюте, мне показалось, что я заметил впереди движение, что-то темное мелькнуло в кустах и притаилось. Мы придержали лошадей, напряглись и положили руки на пистолеты. Через минуту из кустов раздался выстрел, Мартин ахнул и припал к шее коня. Я выстрелил, в кустах кто-то вскрикнул, а когда вторая пуля пролетела у меня над ухом, то я, не раздумывая, прищипорил коня и погнал его прямо на кусты, не давая нападающему возможности перезарядить оружие. Оттуда выскочил человек с мушкетом, второй лежал вверх лицом в крови и уже не дышал. Конь ударил передними копытами разбойника, сбил его с ног, я соскочил с коня и, приставив кинжал к его горлу, спросил:

– Кто вас послал?

– Мы... мы н-не знаем... – заморгал от испуга он. – Мы сидели в корчме у Краковских ворот. К нам подошел какой-то человек... его лицо закрывали поля шляпы... да и темно там было. Только клинышек бородки торчал. Он описал вас, дал нам кошелек и сказал, чтобы мы вас подстерегли на дороге.

– Обоих?

– Нет, того, у кого на глазу черная повязка. А если бы кто-нибудь был с ним, то и его.

– Ну вы же и стрелки...

– Пальцы, пан, о... ооченели, – голос у него дрожал от страха. – Мы вас долго ждали... с самого утра, а вы только сейчас прибыли. Я говорил, что надо бы руки согреть, но мой товарищ не позволил костер развести.

Он еще что-то нес, надеясь на свое спасение в этом тарахтении, словно этими словами хотел разжалобить, убедить, что здесь нет его вины, что они были лишь наемниками, исполнителями чужой воли, и, когда я выдернул из-за пояса веревку и принялся скручивать разбойнику руки, он с облегчением вздохнул и замолчал, надеясь, что теперь его уже не убьют. После я бросился к Мартину. Он уже сполз с коня и тяжело дышал на снегу. Глаза его были печальны. Ранение в живот явно было смертельным, но я растянул на нем кафтан в надежде, что пуля угодила лишь в бок, однако, к сожалению, это было не так.

– Попробую тебя довести до города. Может, там помогут.

– Ты знаешь, что не помогут, – прошептал Мартин. – Помнишь, сколько мы таких ран насмотрелись, когда возились с турками?

Он был прав, рана в живот всегда была безнадежной, потому что внутреннее кровоизлияние не давало никаких шансов. Мартин терял кровь и бледнел на глазах. Я был вынужден разве что безвольно наблюдать за тем, как он покидает этот мир, но пока он еще был в сознании, я попросил его высказать свою последнюю волю, которую я выполню любой ценой. Он взял меня за руку, сжал и прошептал:

– Обещай, что сделаешь то, о чем я тебя попрошу.

Я кивнул. Тогда он с усилием указал рукой на сумку, притороченную к седлу, и продолжил, запинаясь:

– Там все мои бумаги и завещание дяди. Там также есть немного денег. Я все равно умру, а ты можешь этим воспользоваться. У дяди никого не было, кроме меня. Скажешь, что ты – это я, Мартин Айрер из Зальцбурга.

Я пытался возразить и успокоить его, но кого было успокаивать – такого же медика, как и я? Он знал, что умирает, и с этим ничего было не поделать. Однако согласиться на такую авантюру, что он мне предлагал, я не мог. Мне казалось, что это страшный грех – примерять на себя чужую жизнь и жить ею, жить этой не своей жизнью вместо того, кто умер, и все время осознавать, что это не твоя жизнь, не твоя судьба и не твое счастье, а просто жить и смерть под языком держать. Конечно, я могу говорить так, что никто и не догадается, что я «Lukas Hulevici, natione Ucrainensis de district Galicia», как записался я в университете, а не австриец, могу и венецианцем притвориться, но страх охватывал меня при мысли, как я буду чувствовать себя наедине с собой, как буду пытаться забыть собственное имя и не выдать себя, если оно где-то ненароком прозвучит, хотя и обращенное к кому-нибудь другому.

Все эти мысли пронеслись вихрем в моей голове, а затуманенные глаза Мартина смотрели с надеждой и требовали немедленного ответа. Вдруг раздался глухой топот копыт, и на горизонте появился еще один всадник, тоже весь в черном. Я выдернул пистолет Мартина и взвел курок, ведь это мог быть кто-то, кто нанял убийцу. Всадник спешил и замахал обеими руками, давая понять, что не имеет злых намерений. Левый глаз его был закрыт черной повязкой. Выслушав мой рассказ о том, что произошло, он поинтересовался, действительно ли нас подстерегали бандиты.

– Неизвестно, – ответил я. – Им только дали описание. Но под это описание и ваша милость подходит.

Незнакомец улыбнулся.

– Чтоб меня черт побрал, если я не узнаю чего-нибудь больше. Пойду переговорю.

Он пошел к разбойнику, и через минуту мы услышали несколько глухих ударов и стоны: «Поцадите! Поцадите!» Затем раздался еще один удар, хрип, и все стихло. Незнакомец вернулся.

– Похоже, они действительно не знали, кого поджидали. Может, меня, а может, и нет. Единственное, в чем он сознался, что они должны были забрать сумку, но что в ней, им неизвестно. А поскольку у всех нас есть сумки, то и дальше ничего не понятно.

– Может, не стоило его убивать? – сказал я. – Он мог бы знать заказчика.

– Каким образом? По клиньшику бородки? Или по голосу, который нашептывал им на ухо? Пусть катится к дьяволу. Я – Иоганн Калькбреннер, рыцарь из Кенигсберга, доктор философии и медицины. А вы кто будете?

– Мы из Венеции, я...

Но тут опередил меня Мартин:

– Я – Лукаш Гулевич из Страдча, а это мой товарищ Мартин Айрер из Зальцбурга... – он перевел дух и вздохнул: – К сожалению, я должен покинуть ваше приятное общество.

– Рана действительно такая серьезная? – спросил рыцарь.

Я кивнул.

– Живот.

– Ого! – Он покачал головой. – Можно посмотреть?

– Мы тоже медики, – сказал я, отворачивая полы кафтана Мартина. – Но взгляните и вы.

Он встал на колени прямо в снег, протянул руку к ране, но сразу же отдернул.

– Пуля там? – спросил, думая, не прошла ли она навывлет, но не решаясь переверачивать раненого. – Мне приходилось нащупывать и вынимать пули пальцами. Но не в этой части живота. А ну, вдохните как можно глубже и выдохните.

Мартин вдохнул и тотчас закашлялся, а кровь пошла у него изо рта. Рыцарь посмотрел на меня безнадежным взглядом.

– Дайте чего-нибудь попить, – попросил Мартин, сплевывая красную пену, – сдобрите чем-нибудь горячительным мою смерть.

Он имел в виду тот ром, что мы прихватили в дорогу.

– Питье не сдобрит вашу смерть, а ускорит ее, – сказал Иоганн. – Вы же врач, и сами знаете об этом.

– Знаю. Но добрый глоток рома – это как раз то, что мне нужно перед дальней дорогой.

– Не городи глупостей, – сказал я. – Может, нам удастся еще тебя довезти куда-нибудь.

– Давайте свяжем из веток сани, – сказал Иоганн, – положим пана Лукаша на них и привяжем к его лошади. В Шкле кто-нибудь должен помочь.

Мартин умоляюще посмотрел на меня и прошептал:

– Это всего лишь бесполезные мучения. Вы не довезете меня... – и, взглянув на меня, еще раз повторил: – Сделай, как я сказал... Понимаешь? И да поможет тебе Господь.

Он еще улыбнулся побелевшими губами, и голова его склонилась набок.

– Жаль, – сказал Калькбреннер. – Кто знает, не из-за меня ли такая беда. А я, видите ли, задержался в Ярославле с одной знатной вдовушкой. Ну, да что поделатъ? Повезете его в Страдч? Я вам помогу.

Вместе мы погрузили тело моего товарища на коня, положив его поперек и привязав ремнями, и двинулись в путь. Мы проехали Шкло и через полторы мили минули Янов, лежащий над замерзшим озером. Далее через заросшие кустарником горы свернули на юго-восток. Покинул я родной дом почти полтора десятка лет назад и был уверен, что никто меня там уже не узнает, особенно учитывая, что я зарос, как черт, ведь когда я уезжал, еще не брился, а сейчас носил черную бородку и лихие гусарские усы.

Я не ошибся – никто меня не признал, зато и староста, и несколько крестьян, осмотрев бедного Мартина, не усомнились, что это их Лукаш. Я оставил им коня Мартина и денег на погребение и панихиду, и мы с рыцарем, отстояв отпевание в церкви, поехали дальше. Сумку Мартина я прихватил с собой, хоть и сомневался еще, соглашаться ли на его неожиданную милость. Но подумав, что все равно некому унаследовать эту аптеку и что она перейдет в собственность города, я решился на эту авантюру. Правда, мысль, что убийцы могли покушаться все же на Мартина, не покидала меня. А если так, то, очевидно, кто-то был заинтересован в том, чтобы Мартин не доехал до Львова и не получил наследство. И так, это мог быть кто-то, кто знал, как выглядит Мартин, то есть, что у него нет глаза. Но откуда? И что будет, если я назовусь Мартином, имея два здоровых глаза? Не перевязать ли мне один? Но уже поздно, раз рыцарь меня видел. К тому же все время меня не покидало ощущение, что я что-то не то делаю. Я искал и выбрал мирную жизнь, хотя в последнее время привык к другой. Я закрывал глаза и слышал шум битвы, слышал, как трепещут паруса и как бьет мне в грудь ураган. В конце концов я в этом Мартину и признался. Это было в Шнице, мы сидели на берегу Дуная и пили вино. Я сказал, что меня какая-то сила тянет назад. Он засмеялся и ответил, что это говорю не я, а вино. Я пробовал объяснить, что после всех наших баталлий я уже не тот, что был, мне снова нужны острые ощущения. Однако он лишь смеялся. Но бывало, среди ночи просыпался, так же, как и я, выкрикивая какие-то боевые лозунги.

– Ну, ты же видишь, Мартин, – говорил я, – что мы уже не те, что раньше. Я вообще не уверен, что мы когда-нибудь снова станем нормальными. Война нас разделила надвое. Одну половину тянет в бой, а вторую – в рутину жизни. И неизвестно, удастся ли нам их как-то уравновесить.

Вот так всю дорогу я размышлял, вспоминая эти разговоры, и мучился сомнениями, пока не появились на горизонте башни львовской крепости. Раскинувшись на холмах, город еще издали открывал множество своих красот, и чем ближе мы подъезжали, тем плотнее он закутывался в заснеженные сады, прятался под крышами, как улитка в свою скорлупу, выставляя на первый взгляд одни лишь стены и шпили церковей за ними. Краковские ворота

были открыты настежь, стража только окинула нас взглядом и пропустила. В городе мы с рыцарем попрощались, договорившись сойтись при случае в шинке, и я отправился напрямик в магистрат, где представил все свои бумаги и получил право на наследование всего дома и аптеки в нем».

Глава 2

Книга

Октябрь 1646 года

Переломленный хребет осени. Ветры по оврагам разнесли утренние звезды. «Рута! Рута!» Девушка услышала голос, доносившийся из хижины, и, бросив доить козу, поспешила к отцу. Он лежал на скамье под медвежьей шкурой и трясся так, словно стояла не теплая осень, а глухая зима. Руту поразило его пожелтевшее и сухое, как лист, лицо с натянутыми на висках жилами, белые потрескавшиеся губы с красными трещинками, остекленевший взгляд и голос, доносившийся словно из глубин его естества. Сердце ее тревожно билось, она чувствовала, что конец приближается, но мысленно пыталась отогнать его: только бы не сегодня, только бы не сегодня, пусть лучше завтра, а еще лучше послезавтра... и так каждый день...

Старый чернокнижник, ее отец, умирал уже больше месяца, умирал тяжело, как и положено колдунам, душа не хотела покидать его тело и держалась изо всех сил. «Ни Белобог меня не хочет, ни Чернобог, – вздыхал он, – ни в Яве для меня места нет, ни в Наве».

Сегодняшнее утро не отличалось от предыдущих. Быстренько справившись с нехитрым хозяйством, Рута собиралась пойти на луг искать разрыв-траву или камнеломку, которая осенью как раз входит в силу. Как трава выглядит, никто не знает, кроме одной-единственной птицы – дятла. Поэтому сначала надо найти дупло, в котором дятел вывел птенцов, и закрыть его камнем, дятел прилетит, увидит, что ничего поделать не сможет, и улетит, чтобы вернуться с разрыв-травой. Достаточно будет только приложить ее к камню – и он сам расколется на куски. Вот тут и надо следить, куда стебелек упадет, и подобрать его. Так рассказывал отец. Рута мечтала о том, как придет с разрыв-травой к скале на горе Льва, где спят королевские рыцари вместе со своим королем, и вытащит королевский меч, которым можно рубить даже железо. Тогда бы Рута оделась как витязь и уехала куда глаза глядят. Прочь отсюда, ведь и так после смерти отца ничто ее здесь держать не будет.

Она преклонила колени перед скамьей и взяла отца за руку, ладонь была желтая и холодная.

– Рута, – сказал отец, – я не могу умереть, только мучаюсь. Помоги мне.

Эти слова резанули ее по сердцу, она вздрогнула и замотала головой.

– Но как... как я тебе помогу?

– Это все из-за Книги. Это из-за нее я не могу покинуть этот мир. Рута, возьми Книгу, отнеси ее на берег Полтвы и брось в реку.

Среди тайных книг старого чернокнижника были и вполне безопасные, такие, к примеру, как «Большой Альберт. Тайны мужчин и женщин» и «Малый Альберт. Чудесные секреты натуральной и каббалистической магии, или же Нерушимая сокровищница тайн», но лишь одну книгу он называл не так, как было написано на титульном листе, а одним-единственным словом – «Книга», хоть и было у нее название «Эгремонд, или Адские силы, подвластные человеку», и была она величиной в половину человеческого роста и стояла в кладовке, прикованная цепью к кривой балке, Книга была оправлена в кожу того, кто ее сотворил, а поверх кожи, словно благородный рыцарь, закована жестяными застежками и запиралась на замок, ключ от которого хозяин прятал под порогом. Рута знала некоторое количество заклинаний из остальных книг, но Книгу отец не позволял трогать, а когда хотел чему-то Руту научить, то брал в правую руку освященный нож, в левую – головку освященного мака, переворачивал ножом каждую страницу «Большого» или «Малого Альберта», посыпал маком и только тогда читал вслух. Так Рута и узнала кое-что из тайн мира, и хотя душа ее стремилась к большему, отец строго охранял от нее Ворота Тайных Знаний. Она знала, что в Книгу были вписаны имена

всех дьяволов и способы их вызывания, там можно было найти все, что угодно, – пентакли, описания талисманов, даже Sanctum regnum – способ заключения сделки с дьяволом. Однажды она подслушала и запомнила заклинание, которое произносил ее отец: «О, Люцифер, заклинаю тебя покинуть ту часть земли или неба, где ты сейчас находишься, и приказываю тебе силой великого Адоная, Элогим, Аагла услышать мой голос и не отказаться выполнить мой приказ», но, чтобы не обречь себя на муки, он при этом писал на пергаменте: «+ Aglas + Aglahas + Agladena + imperibus es meritis + tria pendent corpora ramis dismeus et gestus in medio et divina potestas dimeas clamator, sed gestas ad astra levatur» или же «+ Tel + Bel + Quel + caro + Mon + Aqua». В тех местах, где стояли кресты, он крестился.

Отец общался с ангелами и духами стихий, используя учение аббата Тритемия, труд которого «Стеганография» лежал всегда под его рукой. Он считал, что мысли являются элементами мира духов, точно определенными удаленностью духовного мира, и они никогда не погибают, непрерывно воплощаясь в сознание человека. Самыми коварными и ненадежными из всех были духи воздуха, которые не хотят ничему подчиняться, кроме сильных заклинаний. Рута была свидетелем того, как отец выходил во двор, поворачивался лицом к лесу и произносил заклинания, но говорил их не привычным, а каким-то надрывным, картавым голосом, демонстрируя всем своим телом, каждым движением невероятный импет,⁴ небывалый экстаз, которого никогда не проявлял раньше, и Рута тогда дрожала от страха, однако вслушивалась в странные, нездешние слова на иностранном языке, которые срывались с уст отца: «Pamersiel oshurmy delmuson Thafloyn peano charustea melany, lyaminto colchan, paroys, madyn, moerlay, bulre + atloor don melcour peloin, ibutsyl meon mysbreath alini driaco person. Crisolnay, lemon asosle mydar, icoriel pean thalmō, asophiel il notreon banyel ocrimos esteuor naelma besrona thulaomor fronian beldodrayn bon otalmesgo mero fas elnathyn bosramoth». После этих слов духи должны были появиться, а если нет, надо было повторять еще раз и еще раз, и тогда уже отец оказывался вне этого мира, глухой и слепой ко всему, что происходит вокруг него, кроме одного – появления духов. Когда же наконец ему удалось вызвать их, Рута видела, как воздух становился видимым, как он сворачивался на глазах, словно скисшее молоко на огне, как возникали в нем фигуры и персонажи, хотя и расплывчатые, но узнаваемые, с крыльями и длинными руками, с растрепанными волосами и лицами, меняющими свою форму.

Духов воздуха приходилось усмирять словно диких лошадей, и когда они наконец возникали, отец говорил с ними уже ласковым тоном: «Lamarton anoyr bulon madriel traschon ebrasothea panthenon nabrulgēs Camery itrasbier rubanthu nadres Calmosi ormenulan, ytules demy rabion hamorphyn». После этих слов они готовы были слушаться того, что он им приказывает, хоть и вели себя довольно беспокойно, постоянно перелетая с места на место, то опускаясь, то поднимаясь, и крылья их шумели, как шумят кроны деревьев.

Она запомнила навсегда, как однажды не послушалась отца и, выждав, пока он не уйдет на охоту, нашла ключ, открыла Книгу и стала читать. Страницы Книги были яркого красного цвета, просто обжигали глаза, трудно было различить странные, непонятные слова, которые как будто высыпались на страницу, они вселили страх, потому что были порождением какого-то нездешнего мира, мира тьмы и тайных шелестов. Рута знала, что отец раскрывает эту Книгу лишь только в сумерках, поэтому прикрыла окна подушками, чтобы на Книгу не падали солнечные лучи, а страницы не так раздражали глаза, и, прищурившись, стала вчитываться, слово за словом произносила она вслух, не зная еще, к кому эти слова обращены, когда вдруг острый холод пронзил ее до костей, а в хижину из-под порога вползла сизая густая мгла, которая какое-то мгновение клубилась перед ее глазами, а затем сформировалась в уродливое чудище, тело которого переливалось, как в реторте, мерцало и струилось, словно течение, все время меняя свой образ.

⁴ *Импет* – напор, сила.

– Чего хочешь? – прохрипело чудище. Девушка остолбенела и не смогла произнести ни слова, а оно повторяло и повторяло свой вопрос тем же голосом, который доносился откуда-то из глубин земли, пока Рута не ляпнула первое, что пришло в голову, чтобы только чудище вымелось из хижины:

– Принеси воды из колодца.

И оно вышло, точнее вытекло из дома, прихватив ведра, принесло воды и вылило на пол, затем отправилось снова к колодцу, и так ходило без перерыва, заливая водой весь дом, пока отец не вернулся и не выкрикнул что-то, похожее на скрежет железа, и тогда чудище исчезло. Отец не ругал Руту, он и так видел, что она насмерть перепугана, обнял ее, прижал к себе и сказал:

– Пообещай мне, что больше эту Книгу не откроешь.

Тот, кто владел Книгой, должен был от нее избавиться в свой смертный час, иначе душа его не могла расстаться с телом. Если он жил в селе, то доверялся священнику, и тот, собрав крестьян, приказывал им принести хворост и развести костер, а затем бросал Книгу в огонь. Когда «Эгрмонд» превращался в пепел, настоятель собирал этот пепел в мешочек и передавал его умирающему со словами: «Да будет тебе легко». Но Рута с отцом жили на хуторе возле леса и поблизости не было ни одного села.

Рута открыла замо5к, освободила Книгу из цепей и вовремя отскочила, потому что Книга рухнула на землю так, что пыль поднялась и затанцевала в снопах лучей. Она еле сумела поднять ее и положить на тележку. И так, толкая перед собой тележку, она покатила ее к реке. Книга была тяжелая, как семь смертных грехов, и с каждым шагом становилась все тяжелее, тележка то и дело застревала в земле, земля вскрикивала от боли и покрывалась по5том, а над головой клубились тяжелые оловянные облака и давили на душу, черные тени ложились под ноги и наливали их свинцом, чем дальше, тем тяжелее было ступать, тележка уже еле-еле катилась, бурьян с ненасытной яростью путался в колесах, отчаянно хлестал по ногам, раздирал их в кровь, а тревожный крик воронья, сбивающегося в черную стаю и кружащегося в диком хороводе, напугивал сердце страхом. Но Рута отважно шла дальше, слыша уже, как в ужасе клокочет река, как волны шипят и пенятся, разбивая берег и вырывая из его груди целые куски песка и глины, как скрипят ивы над водой, трещат и раскалываются, едва не валясь вниз. Облака пригибали девушку к земле, наваливаясь на плечи, словно тяжеленные мешки, казалось, она не выдержит и вот-вот рухнет под их весом, в конце концов она упала-таки на колени, но, опоясавшись веревками, дальше волочила за собой эту тележку, ползя, ладони кровоточили и жгли, когда она хваталась за пучки травы, за кустики и сухую землю, какие-то голоса за ее спиной обращались к ней, но она помнила, что отец запретил оглядываться, слышала свое имя, слышала голос матери, но была уверена, что это не мать, а дьявол, и, перекрестившись, ползла дальше, пока не оказалась на берегу. Брызги волн ударили ей в лицо, она вдохнула свежий речной воздух и, перекатившись на спину, ногами толкнула тележку с Книгой с берега, тележка не поддавалась, увязнув в размокшей земле, но Рута упорно толкала и толкала изо всех сил, даже крик вырвался из ее груди, наконец, тележка наклонилась, вздрогнула и скатилась с обрыва прямо в воду, в которой тесно переплелись руки утопленников, волны громко всплеснули и подхватили ее и понесли по течению, Книга закачалась на воде, разгоняя волны, затем треснули на ней все застежки, отлетела колодка, и Книга раскрылась, солнце вдруг вынырнуло из-за туч и прожгло ее лучами, вверх взлетело пламя и через мгновение погасло, а Книга ушла под воду, создавая бешеный водоворот на реке. Обессиленная Рута легла на траву и смотрела в небо, там, наверху, начинало светлеть, облака расплзались, воронье исчезло, солнце щеколало лицо.

Она лежала и лежала, боясь идти в дом, потому что знала, что уже не застанет отца живым – освободив Книгу, он освободил и свою грешную душу, которая вылетела из-под крыши. Рута нарочно забила в щель под крышей колышек, чтобы ее расширить и чтобы душа могла свободно вылететь на свет. Наконец, поднявшись, она поплелась к святому дубу, который рос

неподалеку от дома, упала на колени и начала молиться, но не христианскому богу, а Святовиту, которого отец спрятал в пустом дубе. Деревянного идола он когда-то выловил в реке, выволок на берег, высушил, а затем шнурами и лебедкой подтянул вверх и опустил в середину ствола, который изнутри выжгла молния. Увидеть его можно было, только заглянув в небольшое дупло, до которого надо было дотянуться, ухватившись за ветку, и тогда можно было узреть его лицо – печальное и извечное, встретиться с его пронзительным, но не злым взглядом.

– Святовит – наш истинный бог, – говорил отец.

– Но ведь бог – один? – спрашивала Рута.

– Да, один, – соглашался отец, – и мы его называем Святовитом. Евреи зовут Иеговой, турки – Аллахом... А он – один. И мы должны обращаться к нему тем именем, которое он нам сообщил, а не каким-то другим.

И она молилась Святовиту, чувствуя, как на душе становится легче, а в голове – яснее. Потом она заглянула в дом и убедилась, что отец уже не дышит. Тело его как бы опало, испустив дух, словно стало более плоским, он лежал с открытым ртом – ведь это изо рта душа выпорхнула, – и глаза у него были открытыми и удивленными. Рута опустила мертвые веки, постояла минуту, затем налила в высушенный коровий пузырь сметану, завязала в узелок и, закинув его на плечо и прихватив отцовскую палку, отправилась к старой Вивде, что жила за лесом.

Вивдя была ведьмой и помогала всем, кто к ней приходил. С отцом Руты они были знакомы давно, обменивались рецептами зелий, настойками и лекарствами. Вивдя была единственным человеком, к которому Рута могла обратиться в этот скорбный час. Она вспомнила, как летом ходила со старухой за травами. Вивдя выдернула какую-то былинку и протянула Руте, чтобы та попробовала ее листики на ощупь, они оказались гладкими и теплыми, словно кто-то их подогрел. Вивдя оторвала кусочек листика и попробовала на вкус, закрыв глаза. Так она определяла, сильное ли зелье. Вивдя очень осторожно рвала зелье, стараясь не повредить корней, а когда ей нужны были именно корешки, то кланялась до самой земли и благодарила. Затем складывала зелье в торбочку, висевшую на поясе. Торбочка вся начисто пропахла этим зельем, да не только свежим, но и прошлогодним, и все голоса этого зелья сливались в торбочке в одно целое. Когда Рута брала пустую торбочку в руки, то слышала его шепот и шорох. Она смогла много знаний о зельях перенять от старухи, и Рута чувствовала к ней теплую благодарность, совсем не воспринимая ее как ведьму.

Дорога к ней была неблизкая, вела через густейший лес, скорее, не дорога, а тропа, которую протоптали звери, идя на водопой к реке. Рута зверей не боялась, знала заговоры – один на волка, второй на медведя, третий на змею или на полоза; однажды она таки повстречала волка, но прошептала несколько слов, и тот, съезжившись, словно ему стыдно стало, исчез в чаще. Но боялась Рута всякой чертовщины, которая в лесу водилась, и было ее много, и подстерегала она на каждом шагу, особенно в конце дня в темных затененных местечках, откуда уже начинал вытекать черный мед ночи, крадучись, как зверь...

– Рута, – говорил ей отец, – ты же не такая, как все люди. Ты другая. Ты чувствуешь иначе, и видишь иначе, и слышишь иначе. Хочешь знать, каковы человеческие чувства? Надень перчатки и прикоснись к чему-нибудь. То, что ты почувствуешь пальцами, – это и есть человеческие чувства. Натяни шапку на уши и слушай. То, что услышишь, – таким и есть человеческий слух. Закрой глаза краем платка и смотри. То, что увидишь, – таким и есть зрение человеческое.

Рута видела то, что человеческому глазу было недоступно. Она замечала маленьких козарики,⁵ которые шныряли под ногами, придерживая ручками свои пестрые шапочки, и при этом что-то пищали, как цыплята, видела, как на деревьях прыгают чеберяйчики, а потом скры-

⁵ Козарики, чеберяйчики – персонажи украинского фольклора, маленькие лесные существа.

ваются в листве, и только их глаза сверкают, как роса, и следят за каждым шагом, видела невидимых зверей без тел и безо рта. Она видела, как марево клубится между деревьями и формируется в страшное раздутое чудовище, у которого множество рук, и руки эти тянутся к девушке, вот-вот схватят, но она тогда крестилась и проговаривала «Отче наш», а чудовище сдувалось, уменьшалось и растворялось. Деревья вдоль тропы качались и громко скрипели, как движущиеся скелеты, ветви так и старались уцепить девушку за платье или за волосы, Рута отмахивалась клюкой, и ветви, словно обожженные, отдергивались, а деревья аж вскрикивали и стонали в бессильной ярости.

В лесу пахло грибами и сыростью, в листве возился ветер, сдувая паутинки, которые липли к лицу и не хотели отставать, а на дне ручья постукивали камешки, словно передавая тайную весточку этим постукиванием. И хотя в окружающем воздухе царила смутная тревога, точно вот-вот должно что-то случиться и, казалось, чувствовала это самая мелкая травинка, однако Рута была спокойна, не сбавляла шага ни на мгновение и шла через лес не оглядываясь, хотя за спиной и слышались разные загадочные шелесты и шорохи.

Глава 3

Аптека «Под Крылатым Оленем»

Из записок Лукаша Гулевича

«Ноябрь – декабрь 1646 года.

– Ну, пан Мартин, – сказал лавник⁶ и член лавничего суда пан Бартоломей Зиморович,⁷ – наслышаны мы о вас и о ваших подвигах. – И, заметив мой удивленный взгляд, сказал: – Дядюшка ваш покойный пересказывал нам ваши письма, как вы с турками воевали. Кто знает, не придется ли и здесь повоевать, потому как тревожная наступила пора. Вот вам ключи от вашей аптеки. Если будете нуждаться в слуге или служанке, дайте знать, кого-нибудь вам подыщем, потому что дом большой и сад там просторный – есть куда руки приложить.

Я поблагодарил и сказал, что сначала осмотрюсь. На том мы расстались. Дом дяди Мартина стоял на углу Рынка и слепой улочки под названием Дорога за оленем, потому что сам дом, как и аптека, назывался «Под Крылатым Оленем».⁸ Вверху под крышей и правда был вырезан олень с распростертыми крыльями, а над дверью красовалась вывеска в виде ступки, в которой толкут лекарства. Сразу с улочки вела дверь в аптеку с тремя просторными помещениями, над которыми находились две комнаты, а над ними – заваленный всевозможным хламом чердак. Но этого словно было мало – так еще и большой подвал с отдельным входом, который арендовала винодельня пана Вацлава Прохазки из Брно. Сам пан винодел сразу же поспешил нанести мне визит и поинтересоваться, не продлю ли я ему аренду, при этом вручил десять золотых и несколько бутылок вина. Я сказал, что пока насчет подвала у меня нет никаких планов, и мы с паном Вацлавом распрощались в хорошем настроении, подкрепленном мальвазией.

Индермах, как принято здесь называть заднюю часть дома, выходил в сад, полностью покрытый снегом, из которого торчали сухие побеги малины, скрюченные ветви кустов и тоненькие стволы каких-то молодых саженцев. Вокруг сада возвышались стены – меня это полностью удовлетворяло, потому что я не люблю, когда кто-то ко мне заглядывает.

Первое, что я сделал, – пооткрывал все окна, потому что чувствовался застоявшийся тяжелый воздух. Помещение аптеки и остальные комнаты требовали немало усилий, чтобы их убрать, вычистить, вытряхнуть, потому что все так сильно покрылось пылью, что двигаться я должен был достаточно осторожно, дабы не поднимать при каждом шаге сизые облака. В аптеке все стены до потолка были заставлены шкапами и полками из ясеня. На полках стояли глазурованные кувшины из гданьской глины, красиво разрисованные, и на каждом была каллиграфическая латинская надпись. А в шкапах – ящички и коробочки, запертые на ключ и тоже тщательно подписанные. В стеклянных банках, наполненных чем-то густым и темным, сквозь мутную жидкость можно было разглядеть зародыши каких-то странных сморщенных существ, которые неподвижно зависли в этой жидкости, словно планеты неизведанной галактики, но если их взять в руки, они начинали раскачиваться, подниматься и опускаться, вертяться во все стороны, словно стремясь продемонстрировать каждую мельчайшую деталь своего уродливого желтого тела. В других стеклянных банках и баночках хранились чудодейственные экстракты из целебных трав и минералов, пучки засушенного

⁶ Лавник – член судебной коллегии («лавы»).

⁷ Зиморович Бартоломей (1597–1677) – поэт, историк и бургомистр Львова.

⁸ «Под Крылатым Оленем» – это здание стояло на месте нынешнего дома № 45 на углу Рынка и Печатной улицы.

зелья, всякие корешки свисали гирляндами с балок, наполняя помещение опьяняющим ароматом лугов, степей, лесов и заморских дебрей. К сожалению, и это все было покрыто пылью и паутиной, поэтому придется что-то выбросить, а что-то прополоскать и снова высушить. Днем солнечные лучи играли на стеклянных банках заворачивающую мелодию, полную радостных взблесков и безумного танца пылинок, но вечером они выглядели мрачно. Сушеные змеи, черепа и копыта животных висели на стенах, а посреди прилавка щерил большие желтые зубы вылинявший человеческий череп, из зубов у него торчала резная глиняная трубка. Еще на прилавке были весы с мелкими гирьками и медными лепесточками, на которых были выбиты от одного до десяти лотов...

Я сначала просто не знал, за что браться, и в первый день освободил от хлама на жилом этаже только одну комнату, в которой собирался отдыхать, теперь там кроме широкой ореховой кровати и шкафа не было больше ничего. Я выбросил на балкон одеяла, перины и подушки, от души выбил их дощечкой и оставил на солнце, затем все осторожно смел и мокрой тряпкой вытер, но когда, довольный собой, вышел из комнаты, то тяжело вздохнул – лестница, ведущая вниз, и партер тоже были покрыты пылью. Словом, на уборку я потратил весь день, но расчистил лишь небольшую часть дома. Наконец, усталый, я откупорил бутылочку мальвазии и выпил ее у камина. Затем залез под перину, которую удалось немного нагреть у огня, укрылся с головой и заснул. Снились мне снежные Альпы.

На следующий день я через винодела нанял уборщиц, Магдулю и Гальику, активных молодлиц, и они, наконец, привели все в порядок, время от времени строя мне глазки из-под ресниц. А когда я спустился в винную лавку, чтобы перекусить, пан Прохазка тихонько мне сообщил, что Гальика – та, у которой пышные груди и гибкий стан – сама напросилась ко мне на уборку, и что муж ее умер во время чумы, так что, если мне охота, я мог бы взять ее под перину. Я поблагодарил за совет и поинтересовался, не мог бы пан винодел сам это организовать, потому что их пока две, и поговорить с Гальикой один на один нет возможности. Он с радостью согласился, но попросил меня, чтобы в дни, когда у Гальики будут месячные, я не пускал ее в аптеку, не то все его вино может прокиснуть. Да и я рискую тем, что мои врачебные инструменты могут покрыться ржавчиной, а лекарства свернуться, потому что такова страшная сила месячных. Я не стал спорить, зная, что эта мудрость достигает еще времен Гиппократов, и подумал, что неплохо было бы получить немного женской ласки после такого длительного путешествия. Когда вечером я рассчитался с девушками, и они вышли, я услышал, как винодел позвал Гальику, а через минуту она постучала ко мне. Я открыл, она улыбнулась и сказала: «Ну, вот я пришла».

Я пригласил ее в кухню, придвинул ей скамеечку поближе к камину, в котором взволнованно потрескивали поленья, налил вина и угостил изюмом из запасов дяди Мартина.

– Здесь еще много работы, – сказала она. – Я поглядела в шкафчики – там куча всяких аптекарских причиндалов, но все это тоже в пыли. Сегодня просто не хватило времени. Если хотите, я завтра приду и вытру и вымою все эти стекляшки.

Она покраснела и пыталась говорить о деле, хотя объединяло нас что-то другое – то, что должно было случиться, то, чего ждали мы оба, но она стеснялась, и лицо ее в отсветах пламени рдело. Ей не было и тридцати, овдоветь в таком возрасте явно тяжело, так что ей хотелось того же, что и мне. Я взял ее за руку, она ее сжала, продолжая смотреть на танец пламени, я поднялся, и мы отправились наверх. Камин в комнате я не разжег, но холодно не было. Гальика заглянула под кровать, спросила: «А где?...» – и запнулась. Я догадался, что она имеет в виду ночной горшок, и развел руками.

– А куда же вы?... – засмеялась она.

Я показал на балкон, который выходил в сад, и это вызвало у нее еще больший смех, она спустилась вниз, позвякала утварью, затем захлопала вода, и, в конце концов, она принесла черный глиняный горшок с двумя ручками. С довольным видом сунула его под кровать

и стала раздеваться. В постели было холодновато, но наши тела так горели, что скоро я во время любовных ласк вспотел и должен был сбросить перину. Затем среди глухой ночи я прижался к ее спине и выступающим ягодицам, еще раз вошел, и в этот раз все было медленно и размеренно.

Когда я проснулся, Гальшики рядом со мной не было, а снизу доносились ароматы еды. На столике стояла миска, а рядом – кувшин с водой, рядом свисало полотенце. Я выглянул в окно на улицу и увидел Гальшику, закутанную в теплый платок, с черным горшком в руках. Она ждала телегу, увенчанную большой бочкой, в которую сливали нечистоты. Четверо смуглых причудливо одетых мужчин с длинными усами правили лошаадьми. Еще один человек, скорее всего их хозяин, стоял сбоку и смотрел с иронической улыбкой, как люди подходят к бочке и, отворачивая головы, выливают содержимое своих горшков, а потом так, словно совершили какое-нибудь святотатство, быстренько исчезают. Горшки были разные – белые, разноцветные, поменьше и побольше, но черного не было ни у кого. Интересно, что в нем варил аптекарь? Может, квасил огурцы?

Пока я оделся и умылся, Гальшика вернулась и, улыбаясь, поставила горшок снова под кровать.

– Яичницу хотите? – спросила.

Вместо ответа я поцеловал ее, она засмеялась – видимо, ей нравилась моя немногословность. После завтрака Гальшика занялась чисткой аптекарских принадлежностей, а я углубился в учебники. К счастью, в первые годы в Падуе нас усиленно учили готовить лекарства самостоятельно, но, предполагая, что аптекарский цех захочет меня проэкзаменовать, я решил освежить свои знания и принялся штудировать самые популярные лекарства, чтобы в день, когда аптека заработает, не ударить в грязь лицом. Многие лекарства практически были мне известны, надо было только восстановить в памяти рецептуру и пропорции. К счастью, в книгах и записках Мартина и его дяди можно было найти много интересного и важного для меня, хотя и случались такие чудеса, как «De quinta Essentia», «Aurora philosophorum», «Philosophia occulta», «Thesaurus thesaurorum» и другие. Видимо, дядюшка Мартина интересовался оккультными науками, и как знать – не был ли он некромантом. Трактат «Clavicula Salomonis», или же «Ключ Соломона», посвященный практической магии, был здорово потрепан, а на ишмуциттуле выведено каллиграфическими буквами: «Яко эта «Clavicula» мудрость Соломона открывает, так пусть же она откроет и сердца...». Фраза не была оборвана, а просто затерта. Видно, там указывалось, о чьих сердцах идет речь. Я сразу переставил все ненужные мне книги на самую верхнюю полку, а те, которые нужны были для работы, расположил под рукой.

В книге рецептов дяди Мартина можно было найти немало странностей. Например, масло из щенков: «Взять двух новорожденных щенков, изрезать их на части, уложить в глазурированный горшок вместе с фунтом живых червей. Варить в течение двенадцати часов, пока щенки и черви хорошо не разварятся. Это прекрасное средство для подкрепления нервов, от ишиаса, паралича». Или масло из ящериц: «Возьмите тузень⁹ живых зеленых ящериц, бросьте их в три фунта теплого орехового масла, варите на слабом огне. Средство от лишая на голове и от грыжи». Порошок лунный: «Возьмите по полторы унции из копыта лося и человеческого черепа, стронция серебра, соли из жемчуга, масла из рога оленя, павлиньего дерьма, сухой плаценты женицины, которая при первых родах имела дитя мужского пола, – хорошо от эпилепсии». Пластырь из человеческой крови: «Взять кровь молодого здорового мужчины, высушить ее на солнце, а затем растереть. Такой порошок хорош для застарелых язв». «Взять ласточкино гнездо и изрезать его на мелкие куски, добавить пол-унции кошачьего мозга, полторы

⁹ Тузень – дюжина.

уници обжаренного собачьего, свиного и ласточкиного помета. Это средство вылечит от боли в животе».

В то же время мне не хотелось запустить и хирургию, ведь Мартин сначала все-таки учился на хирурга, пока дядя не убедил его перейти на фармацевцию. В конце концов, мы оба получили хирургическую практику в госпитале мальтийских рыцарей и на Кандии.

Аптека стояла полгода на замке, но, вероятно, как раз перед смертью дядя Мартина получил свежий товар, который еще не успел рассортировать и распаковать. Все лежало так, как прибыло с караваном или на корабле во Львов: в узелках, тюках, свитках, коробках, бурдюках, мешках или лыковых лукошках, на которых черной краской были поставлены различные знаки. Вместе с Гальшой мы все это разобрали и разложили по шкафчикам и полкам. А было здесь немало галуна, камфары, ртути¹⁰ и янтаря, в отдельных баночках содержались различные душистые смолы – амбра и ладан, закупленные у португальских купцов, сицилийская манна, греческая мастика, трагант с острова Мореи, который снимает лихорадку, арабское алоэ, сандал красный и желтый, индиго из Багдада, а в жестяном ящичке – ароматные палочки, в мешочках, старательно перевязанных и обозначенных аккуратными наклейками, покоились пряности и приправы: гвоздика, лавровый лист, турецкий тмин, индийский имбирь, кардамон, мускатные цветы и шарики, татарское зелье, различные сорта перца, и самый главный – малабарский, египетская кассия в стручках, шафран итальянский и испанский, корица, разнообразные сорта сахара – и белый, и ледяной багдадский, и бурый гишпанский, сушеная и вяленая бакалея, цукаты лимонные и апельсиновые, миндаль, фиги, дактили, изюм и другие лакомства, которые Гальша удержаться не могла, чтобы не попробовать.

В одном из больших ящичков я обнаружил множество маленьких бутылочек с настояками, ромами и водками с разными вкусами. Аптеки торговали и таким товаром, который спрашивали преимущественно женщины. А пряности приносили куда большие выручки, чем сами лекарства, потому что стоили дорого, как и афродизиаки, сведения о которых публика черпала из календарей и советчиков, где расхваливали эти средства в выражениях: «подъем совершает», «Венеру возбуждает», «женщину разжигает». Поэтому каждая аптека должна была иметь шафран, перец, имбирь, сельдерейную настойку и трюфели. На лекарствах заработать было непросто, учитывая количество аптек во Львове, а ведь кроме городских аптек были еще и монастырские, с которыми цех аптекарский пытался бороться, а еще торговали лекарствами странствующие купцы, которых прозвали масларями, потому как носили они в ящичках за плечами лекарства от многих болезней, а также духи, масла и мыло. Все это были обыкновенные проходимцы, которые не разбирались в медицине, но брались давать советы и выписывать лекарства, распространяя суеверия.

– Бальзам! – прочитала удивленная Гальша, вытирая пыль с квадратной темно-зеленой бутылки. – Что это такое? Тоже водка? – спросила она игриво, потому что уже сняла пробу с апельсиновой настойки.

– Нет, это лекарство, – сказал я, – бальзам вытекает из особых кустов, похожих на виноградную лозу, а растут они на том самом месте, где отдыхала когда-то Насвятейшая Дева со Святейшим Младенцем Иисусом, когда должна была бежать в Египет. Эти кусты могут брать влагу только из одного-единственного источника, в котором Богородица стирала пеленки. Любая другая вода для них смертельна. Но этого источника до нее не было. Когда она не могла допроситься воды у местных жителей, маленький Иисус указал ей рукой, где может быть источник, и она раскопала его руками. Теперь там образовалось целебное озеро, куда приходят омываться и христиане, и сарацины. Всего бальзамических кустов четверта. Но только христиане могут добывать бальзам, потому что он засыхает, если его касается рука неверного. Сарацины только стоят на страже и следят, чтобы никто не украл

¹⁰ Меркурий – ртуть.

хотя бы каплю чудодейственной жидкости. В определенную пору года христиане делают надрез на дереве и собирают его сок в сосуды. Надрез делают стеклом или костяным ножом, железо дереву вредит. Но сок не течет, как у березы или клена, а медленно капает, поэтому нужно сидеть под деревом и следить, иногда неделю или две. Этот сок имеет очень приятный запах, настолько приятный, что каждый непроизвольно засыпает. Собрав полный сосуд бальзама, его выставляют на солнце на двадцать дней, после чего на огне собирают пену, и уже чистую жидкость разливают по бутылкам. Чистой субстанции остается немного, и она стоит очень дорого. Поэтому бальзам часто фальсифицируют, растворяя кипрским маслом или медом, а также добавляя сосновой смолы.

– И на что этот бальзам годится?

– Он очень хорошо заживает раны и затягивает шрамы. Его чрезвычайно трудно достать. Удивляюсь, как это удалось дяде. В Венеции даже богатые рыцари не могли его раздобыть.

– А что такое «те-ри-ак»?

– Он тоже относится к самым дорогим лекарствам. Потому что его умеют производить только в Венеции. И только некоторые фармацевты знают секрет его изготовления. Чтобы получить териак, нужно шестьдесят четыре различных составляющих очень редких и дорогих лекарств, а главным из них является чудодейственное мясо змеи, которую очень трудно найти и поймать.

Гальшика с большой осторожностью положила баночку на полку и, когда красноречиво посмотрела на меня, я обнял ее, и мы исчезли в комнате. За окном был теплый полдень, с крыши и карнизов лениво слезились сосульки, под периной мы быстро разомлели и заснули.

Через несколько дней аптека изменилась до неузнаваемости. Как я и предполагал, большинство посетителей моей аптеки спрашивали не лекарства, а настойки и различные вкусовые водки. Обычно это были пани, которые, стесняясь, обязательно отмечали, что эти напитки нужны им для выпечки. Но тут же выдавали настоящую цель покупки, потому что просили еще и чего-нибудь на закуску: медовика, изюму, миндаля или сахару.

И вот так прошла зима. Гальшика занялась стряпней и уборкой, но ночевать ходила домой, чтобы не подвергаться сплетням, поэтому нежностями мы занимались только днем. Я платил ей в месяц два золотых, и она была довольна».

Глава 4

Битва за душу

Октябрь 1646 года

Старая Вивдя считала, что бессчетное количество разной мошкары, поселившейся на ее подворье и даже в доме, – признак ее благосостояния и залог счастья. Пауки свободно сновали по окнам и стенам, окутывая паутиной каждый свободный уголок, а в паутине барахтались зеленые мухи, комары и ночные бабочки, постепенно превращаясь в бесформенную высохшую субстанцию. Старуха собирала в лесу из-под коры красных с черными крапинками жучков, ссыпала их в бутылку и заливала кленовым сиропом, бутылка стояла на подоконнике, и в ней купалось солнце, жидкость постепенно приобретала розоватый оттенок, а когда ведьма подливала яблочного уксуса, смесь темнела до цвета жженого сахара, то, что должно было осесть – оседало, а жидкость становилась прозрачной, и теперь это было первосортное приворотное зелье.

Хата Вивди стояла на холме, и когда начинали дуть ветры, а чахоточные узловатые ветки, словно вороны лапы, скользили и пронзительно скрежетали по свиному пузырю, затягивавшему окна, дымоход гудел неистово, аж завывал, и холод, как ни топи, все же проникал сквозь щели в дверях и окнах, старая ведьма куталась в лохмотья, забивалась в угол и стучала зубами. «Отлетала, отлетала свое, а где мой покой, где мое доживание века? Промелькнуло мимо меня столько дней и столько деревьев придорожных». Вон уже и крестьяне здороваться начали с тех пор, как она молоко не ворует, заработка никакого, вот разве девушки придут – погадайте, мол, – так принесут копеечку, чтобы с голоду не помереть. Еще повезло, когда мельник обратился к ней, чтобы сглаз с мельницы сняла, она и сняла – попросила водяного Жбура, чтобы лотки не останавливал, а за это отдала ему цедилку, в которую молоко человеческое собирала. Теперь водяной сам молоко крадет, как только коровы на водопой придут. А прошлым летом уже наоборот – попросила водяного, чтобы все-таки остановил лотки, чтобы снова ее позвали сглаз снимать. Отдала водяному терновый платок, который можно постелить на воде и лечь сверху, и он не потонет. Мельник в долгу тоже не остался – каждый раз давал по мешку муки.

Голод завозился в ней, заскулил, горько-сладкая изжога подкралась к горлу, ведьма, кряхтя, встала с кровати, развязала мешок, бросила две горсти муки в кастрюлю, плеснула немного воды, посолила и быстро замесила густое тесто, затем вылепила из него две лепешки и положила прямо в золу, еще тлеющую в печи. Пошарила еще и нашла луковицу, обтерла сухими пальцами и, не чистя, положила рядом с лепешками. Затем вышла из хаты в небольшой огород и выкопала палкой большую морковку, отряхнула с нее землю и огляделась. Тучи собирались и сбивались в темные сытые стада, что-то стонало в лесу и ухало, ветер гнулся в ладонях и дергал за одежду, словно разъяренный пес. Что-то надвигалось, что-то тревожное и страшное. Старуха чувствовала это, и страх погнал ее обратно в дом.

Только она помыла морковку и села на скамью, как вдруг что-то пронзительно засвистело в дымоходе, а через миг выкатился на пол черный клубок, подскочил вверх, ударился о стену и, подкатившись к двери, исчез в щели под порогом. Ведьма глянула на окно – там прощмыгнула чья-то тень, а в дверь раздался стук.

– Кого там нелегкая несет? – вздохнула, но не двинулась с места. Дверь приоткрылась, и в дом вошел худощавый, стройный паныч, одетый по немецкой моде в штаны, которые застегивались под коленями, и в черные чулки и туфли с пряжками. Кафтан с отворотами сидел на нем как влитой. Под черными тонкими усиками играла задиристая улыбка, на щеках пылали огнем лохматые бакенбарды.

– Здорово, старая!

– А-а, это ты, шельма! – узнала ведьма знакомого черта, который уже давненько ее не навещал. – Ты что, не можешь, как люди, спокойно войти, обязательно меня пугать? Думаешь, я не догадалась, что это за клубок из дымохода выскочил?

– Стареешь. А фасон ведь держать надо.

– Да уж, не молодею, Франц. Чего явился?

Черт полез за пазуху, вытащил бутылку водки, кiset с табаком и кусок сала, завернутый в полотно, и положил на стол.

– Не все сразу. Доставай чарки да чего-нибудь на стол.

– Ага, держи карман шире. Хлеба ни крошки нет. Вон паляницы, может, уже испеклись, да есть еще морковка с луком.

– Может, хоть капуста квашеная есть?

– Если заквасилась.

Ведьма вышла в кладовую, набрала капусты, нашла чарки, нож, вытащила потрескавшиеся засыпанные золой лепешки и разлезшуюся луковицу и все это разложила на столе, а черт нарезал сала и наполнил рюмки. Они чокнулись, ведьма выпила залпом и сразу заела салом, чувствуя, как благодать растекается по груди. Давно она уже так не лакомилась. Утолив голод и согревшись, старуха подобрела и уже вполне ласково смотрела на нечистого, а тот, закинув ногу на ногу, разжег трубку с длинным, в локоть, чубуком и пускал дым кольцами. Видимо, он не спешил, да и ведьма тоже, поэтому сидели некоторое время молча. Но вот наконец черт докурил трубку, выбил ее в ладонь и одним махом втянул пепел с ладони носом, а затем несколько раз с наслаждением чихнул.

– А я чего к тебе пришел. У меня тут есть небольшая корчма, а корчмаркой там одна молодичка, которая положила глаз на резвого монашека из монастыря бернардинцев. Монашек тот, по правде, на кабана похож, но вкусы человеческие непостижимы. Вижу я, что монашек и сам не прочь угоститься, а все же сдерживается. В корчме он бывает часто, да никак у них до дела не дойдет. Я и решил помочь им. Дай мне какого-нибудь зелья, чтобы я монашку сыпанул и он бы за корчмаркой хорошенько приударил.

– Зелье? Да есть у меня какое хочешь. Вон в этой бутылочке настой на сердце голубя и на разных кореньях. Капни ему немного в пиво, и он уже от твоей корчмарки не отстанет.

– Вот хорошо. Но это не все. Гулять так гулять. Еще дай мне той мази, намазавшись которой ведьмы на Лысую Гору летают. Корчмарка моя не прочь и сама полететь и посмотреть, как шабаш ведьминский выглядит. А я уболтаю ее, чтобы и монашека соблазнила и вместе с ним полетела. Вот уж я там развлекусь!

– И вот это охота тебе дурака валять?

– Работа такая. В аду, знаешь ли, у каждого свое занятие. А все же выкидывать фортеля куда веселее, чем горбатиться у котлов с грешниками. За такого греховодника-монашека я получу целый месяц отпуска. Займусь, наконец, любимым делом.

– Это каким же?

– Составление атласа звуков.

Ведьма зыркнула на черта исподлобья, словно убеждаясь, не издевается ли он над ней, но черт задрал голову к потолку и говорил так мечтательно, что не заметно было и тени насмешки:

– Да, такой атлас – это немалая ценность. Ведь так, как поют птицы сейчас, лет через двести уже петь не будут. И не будут пахнуть ветром таким, как сейчас. И сосна так скрипеть не будет, как сейчас у тебя за хатой. И ветер так завывать не будет. И огонь не будет так полыхать. И дождь не так лопотать будет. И листья не так... и вода не так... и трава не так... И даже у меня через двести лет будет другой голос... И кто вышел из листьев, в листья возвратится...

Ведьма положила перед ним деревянную коробочку с мазью, налила водки в чарку, выпила и захрустела капустой, пропуская слова черта мимо ушей, так как хруст заглушал его. После, съезжившись от холода, заковыляла к печи, чтобы подбросить дровишек, а когда оберну-

лась, то не увидела уже ни черта, ни бутылочки с приворотным зельем, ни коробочки с мазью, лишь голос все еще звучал, затихая и исчезая.

– А мой голос давно разделили между собой пчелы и травы, – прошептала она.

Рута постучалась в дверь и, не дожидаясь кряхтения старухи, вошла. В доме было сизо, в печи огонь уже угасал и лишь пыхтел и сыпал искрами, а Вивдя курила трубку и задумчиво глядела в потолок, где возились пауки. Увидев Руту, обрадовалась и даже закашлялась, захлебнувшись дымом, а когда заметила сметану, расплылась в довольной улыбке. Весть о смерти чернокнижника вызвала у нее новый приступ кашля, теперь уже со слезами, она засуетилась и начала собираться.

– Куда вы? – спросила Рута.

– Иду с тобой, нельзя тебе одной в доме с покойником. Да еще и... – не договорила, словно спохватившись, и, прихватив какую-то котомку, поспешила за Рутой, не переставая дымить трубкой.

На этот раз дорога через лес была такой легкой, что Руте казалось, будто она не идет, а летит между деревьями, каждый шаг поднимал ее тело на мгновение в воздух и подносил легко, как перышко, впереди так же взлетала и опускалась старая Вивдя, вся чертовщина попряталась, и слышно было только, как шипит она недовольно и кряхтит. Деревья уже не тянулись к девушке своими ветками, а вставали по стойке «смирно» и затихали, и только потом, уже за спиной начинали между собой скрипеть о чем-то. Рута только раз встрепенулась, когда в темноте загорелись два красных уголька.

– Не бойся, – сказала Вивдя, – это Вовкун – волчий пастух. Здорово, старое чучело, – бросила она в темноту, а оттуда ответил густой хриплый бас:

– И тебе здорово, гриб старый. Еще не рассыпалась? – Слова потонули в дребезжащем смехе.

– Где там, еще немного небо покопчу. Волки твои сыты?

– Сыты, сыты, можешь не бояться. Сегодня хорошенько пообедали в долине.

Откуда-то издали послышался волчий вой и затих, в петле скрюченных деревьев качался задушенный туман. А потом с грохотом упал сухой граб и затрещал на весь лес, казалось, что это шагает по лесу великан, потому как вскоре бухнуло еще одно дерево, но Вивдя махнула Руте рукой, чтобы не обращала внимания.

Вечером Вивдя уредила Руту лечь спать в овине, а сама осталась возле мертвеца. Рот у него больше не был раскрыт, потому что ведьма подвязала ему челюсть платком. Рута послушалась и постелила себе в овине на сене, но уснуть не могла, через щели в потолке проникал свет звезд, вокруг царил тишина, только монотонное кваканье лягушек доносилось с реки, да кричали летучие мыши, пролетая. Рано или поздно отец должен был умереть, и Рута должна была остаться одна, но до сих пор ее эта мысль не пугала, она была уверена, что справится, однако сегодня, когда это наконец произошло, она почувствовала отчаяние и страх, словно должна была теперь двигаться только на ощупь с завязанными глазами, ведь больше не будет рядом никого, кто бы мог что-то подсказать. Вдруг услышала, как что-то громко выстрелило, а затем затрещало, деревья затряслись и загомонили громко и надрывно, словно исповедуясь, а затем застучали копыта, зафыркали лошади. Рута вскочила и припала к щели в стене: какие-то черные тени верхом на других черных теньях гарцевали перед подворьем, а из дома доносилось бормотание Вивди, она что-то беспрестанно бубнила и бубнила, то и дело громко вскрикивая, тени отвечали ей грозным нечеловеческим шепотом, а Вивдя словно ссорилась с ними, прогоняла, а те не уступали да знай гарцевали. Было впечатление, что Вивдя не хотела отдать им то, за чем они примчались. Только сейчас заметила Рута, что посреди двора на колу торчит конский череп. Видать, ведьма прихватила его из дома и намеренно повесила, чтобы отпугивать нечистую силу, потому-то тени не подступятся ближе, только топчутся вдали, а все же не исчезают, добиваются своего. Ведь это отец мой им нужен, думала Рута, как хорошо, что Вивдя

со мной, а то бы они меня разорвали, ведь и я бы им не отдавала тело, и они бы победили, а у Вивди, может, и получится.

Ночь была словно зверь, закутанный в страх. За рекой горели огни, красные метлы мельтешили, ошметки их хвостов отрывались и взлетали в небо, а меж огней скакали черные фигуры и неслись к их хате. Рута пыталась рассмотреть, чья это черная большая фигура расплывается позади них, но огни и дым мешали. В конце концов она легла на сено и закрыла глаза. Она не знала, чем могла помочь Вивде. Разве что снова помолиться Святовиту, чтобы простил отцу грехи и принял его душу. Рута преклонила колени, прижала руки к сердцу и зашептала слова, которым научил ее отец, и теперь в тишине сквозь гарцевание теней прорастали два шепота – Вивди и Руты, сливались в одно, сплетались и барахтались в ночной тьме, а деревья в ужасе болтали кронами, стряхивая гнезда и птиц, вихрь гудел отчаянно в дымоходе и бил кулаками о стены, а Рута бубнила:

– Святовит, мой господин, сжался над душой моего отца, прими ее, ведь верным он тебе был всегда, молился тебе и жертвы приносил. Не отдай нечисти прах его, прими его душу, как мы принимаем имя твое, и упаси нас от лукавого.

Только когда кислое молоко рассвета разлилось вокруг, все улеглось, черные силы отступили, и Рута смогла немного поспать.

Глава 5

Колдовство

Весна 1647 года

Остаток осени и всю зиму Рута жила одна, оплетенная мечтами и маревом, ее воображение было таким бурным и безудержным, что одиночества она не испытывала, так как всегда рядом был кто-то невидимый, кто-то, кого она стремилась любить, кто-то, не сформировавшийся в четкий образ, но она знала, что рано или поздно это произойдет – сотканный из воздуха и солнечных лучей невидимец появится перед ней, и она уже даже пробовала на губах его имя. Она чувствовала себя как мгла, что колыхается между двумя берегами бездны, и, не любя никого, пылала любовью.

Ее реальная жизнь переплеталась с мнимой, с ее фантазиями и снами так, что отличить их одну от другой было невозможно. И когда ей снилось, что она берет тоненькую иголку и пришивает кукушку навеки к лету, а нитка сизая сплетается в одно с паутиной и тихо исчезает, то, вероятно, так оно и было. Или когда осторожно брала в руки озерцо, клала его на кувшинки и несла спрятать в дупле; или когда засеивала колокольчиками берега горизонта и прислушивалась к печальной мелодии цветов; или когда кваканье лягушек приглушала, а взамен делала громче шелест ветвей. Она отшелушивала сны, раскладывала их на травах и колдовала на их гуще, наколдовывая что-то, лишь ей известное, то, что тревожило ее, но потом все равно ночью вскакивала, и очередной сон пришила к стене, шепча его имя и думая, что, вымолвив его, воскресит, добудет из ночи. Всмотривалась в перелетные облака, в капли росы на цветках, вслушивалась в звон ручейка, представляя, каким он к ней придет, тот рыцарь из сна, но – ничего, ничего, хотя почему-то была уверена, что он явится в какой-то капельке, перышке, листочке, песчинке. Но не напрасно она вслушивалась в тоненькую бумажку ветра – вот донесся стрекот сороки, который непременно предвещает гостей, а где-то далеко-далеко раздавался топот копыт, и, если ухо приложить к земле, то слышно было их ритмичный стук, колокольчики вполночи звенят, лес тревожно шумит. Рута сорвалась и стремглав побежала в дом, чтобы притаиться мышкой.

Мертвый полдень разлагался в запахах одуванчиков, которые хищно цвели в солнечных лучах, и обжигал сады оранжевый дождь солнца, а небо говорило на зеленом языке травы. Сойка, что свила гнездо на верхушке сосны, прищурила глаз и внимательно обследовала всадника, остановившего коня возле дома. Рута припала к окну – он? Не он? Всадник крикнул в заплесневелое стекло что-то по-немецки, Рута догадалась, что он спрашивает дорогу на Выжев.

Жужжание мух в паутине леса, которые бились о всадника, падали к конским копытам и поднимались снова желтой стеной вверх, было монотонным и успокаивающим, но Рута покоя не ощущала. Предпочитала не отзываться. Это был не он, не тот, кого она ждала. В старой хате царил полумрак, превращавший каждое движение в бездвижение. Дорога на Выжев? Село, которого уже нет, или оно есть, но не хочет появиться перед глазами, в конце концов, как и сама дорога: можно показывать влево, вправо, куда угодно – она может быть всюду и нигде.

И снова он что-то выкрикнул – видимо, есть ли здесь живая душа. Есть, но что с того? Конь гарцевал под всадником, и пылица вскрикивала под копытами и поблескивала на солнце мелкой чешуей. А почему бы и ей самой не стать всадницей, ищущей дорогу на Выжев? Конечно – всадницей на быстром коне в простор сумасшедший и дикий, во вспененные водопады, в оскаленные леса, в зеленые груди гор – мчать и мчать. Покинуть этот темный сумрак, запах навоза и молока, каждодневное блуждание по хозяйству, лугам, лесам. Ведь разве это ее судьба?

Всадник спешил, мухи сходили с ума, шаги приближались. Рута сжала в руке большой нож, которым отец колол свиней. Дверь заскулила, полоса света подохла пол и скользнула к противоположной стене. Пригнув голову, всадник вошел в дом и остановился, ожидая, пока глаза привыкнут к полумраку. Рута замерла у печи, колеблясь, что делать: то ли, воспользовавшись внезапностью, броситься прямо на него и – в дверь, то ли подождать, пока он освободит проход. Но всадник уже успел ее увидеть и был немало удивлен, что видит именно девушку, да еще одну. Он улыбнулся и сказал что-то по-немецки, Рута ничего не поняла, но догадалась, что ему захотелось теперь чего-то большего, чем дороги на Выжев. Она сжала нож и выставила его перед собой. Всадник сделал несколько шагов, ловко вывернулся, перехватил ее руку и отобрал нож. Тогда она схватила кочергу и хотела изо всех сил опустить ему на голову, но всадник и тут оказался проворнее, хотя кочерга таки задела его плечо, и он зашипел от боли, а через мгновение пнул Руту под колено, и пинок был очень болезненный, Рута упала. Всадник схватил ее за руку, опрокинул на спину и прижал к полу обеими руками, опять что-то пролопотал и ударил ее по лицу, но это было его ошибкой, потому что она молниеносно царапнула его ногтями по щеке, целясь в глаза, аж кровь проступила на месте царапины. Всадник схватился за лицо, а девушка вскочила и бросилась к двери. Всадник поймал ее за подол платья, потянул к себе, девушка сопротивлялась, но он не отпускал, наконец ему удалось обхватить ее ноги и снова повалить на пол. За это он поплатился второй поцарапанной щекой, девичьи руки не покорялись, выкручивались, ему едва удалось заломить их девушке за спину, он навалился на нее и ногами раздвинул ее бедра, но когда высвободил руку, чтобы задрать платье, она снова выдернула руки и теперь уже впиалась ногтями ему в нос и губы. Кровь залила лицо нападавшего, а девушка еще и укусила его за руку так, что он взревел, как раненый зверь, и утратил на мгновение контроль над ситуацией. Рута воспользовалась замешательством, поджала под себя ноги и ударила его в пах. Нападающий рухнул на спину, а она подхватила кочергу и теперь все-таки попала ему по голове. Всадник беспомощно всхлипнул и замер. Рута села на скамью и тяжело дышала, поправляя обшарпанное рваное платье. Неизвестно, сколько бы она так сидела, если бы не услышала ржание коня. Он же, наверное, голодный.

Вышла из дома, расседлала вороного и повела в сад, где бушевала густая сочная трава, и привязала за заднюю ногу к яблоньке. Конь сперва дернулся, цвет осыпался, словно волосы старой седой женщины. Рута погладила его рукой, чтобы успокоился, затем вернулась в дом, посмотрела на мертвеца – он лежал неподвижно. Чувствовала, как бьется ее сердце и не может успокоиться, но взяла себя в руки и вышла во двор, оглянулась за лопатой и спустилась в ложбину за садом. Там был сплошной песчаник, только сверху заросший муравой. Легко срезала траву и сложила сбоку, а затем стала копать, лопата легко входила в песок, и яма росла на глазах. Когда она стала ей по грудь, вылезла из ямы и вернулась в дом. Всадник был тяжелый – видела, что ей не справиться. Пришлось привести коня и привязать ноги всадника к его шее. Конь покорно шел за ней и волок за собой мертвеца до самой ямы, он ничем не выказывал страха перед мертвецом, казалось, ему было все равно, возможно, от усталости. Рута высвободила труп и отвела коня обратно в сад – не хотела, чтобы он видел, как она закапывает всадника. Вернувшись, расстегнула на всаднике куртку и обыскала – нашла кошелек с червонцами и охапку каких-то бумаг, еще там была глиняная трубка с мощной табака и шесть золотых пуговиц, на некоторых остались кусочки материи, это указывало на то, что их поспешно срезали ножом. Вероятно, тоже у убитого. Отложила все это в сторону, а потом сбросила мертвеца в яму и засыпала песком. Время от времени прыгала в яму и утрамбовывала песок голыми ногами. И все же песка еще осталось достаточно, и она его рассеяла, а могилу сверху обложила дерном.

Пуговицы она положила в кошелек и спрятала за печкой, а бумаги разложила на столе и с минуту их рассматривала, но, ничего не поняв, спрятала их. Затем вывела коня из сада и напоила у колодца. Конь был печальным и покорным, было впечатление, что всадник для

него чужой, отсутствие его совершенно не тревожило коня, зато, видно, пришлось ему по душе Рута, так как он коснулся ее щеки своими мокрыми губами.

И вот так начали они жить вдвоем – Рута и конь, девушка с конем даже разговаривала и была убеждена, что он все понимает, по крайней мере, видела, как он не раз кивал головой, соглашаясь с ее словами, или же мотал хвостом, когда чему-то радовался. А когда она дала ему немного меда, он даже заржал от удовольствия и затряс гривой. Теперь она на коне ездилась в луга за травами и даже не представляла, как могла раньше жить без коня.

Кроме конька, Рута общалась с Вивдей, помогала ей собирать и сушить травы и корешки, училась знахарской премудрости, но не участвовала в колдовстве – только наблюдала. Достаточно было пережить тяжелую смерть отца, чтобы убедиться, как страшно колдунам покидать эту землю. Ей хотелось поинтересоваться у старухи, не боится ли та заниматься всем этим, но она не осмеливалась. Иногда Рута ночевала у Вивди и замечала, как та среди ночи пропадала – выходила на улицу и просто исчезала. Возвращалась утомленная на рассвете и приносила какие-то гостинцы, но Рута к ним не притрагивалась. Еще бывал у Вивди один гость, который даже пытался ухаживать за Рутой, – Франц. Он появлялся из ниоткуда и в никуда исчезал. Рута догадывалась, что это за тип, но никогда о нем у старухи не спрашивала. Ей казалось, что этим она может ее обидеть, напомнить ей что-то неприятное и болезненное – а ну как у нее с Францем значительно более тесная связь, чем кажется.

К Вивде приходили не только за зельем от разных болячек, но и за колдовством. Делалось все это втайне, но шила в мешке не утаишь. Как-то случилось досадное происшествие, резко изменившее судьбу Руты.

Хлопец Кирило влюбился в дочь кузнеца Парасю, но ей приглянулся другой, и бедный парень очень из-за этого переживал. Напрасно покупал ей кольца, ленты и платки. Парася радушно принимала подарки, а затем смеялась над ним. Кирило терпел-терпел и наконец отправился к Вивде. Та велела ему раздобыть пучок волос и кусочек полотна с рубашки девушки и прийти в полночь.

Ночь была тихая, ясная, полная луна легко скользила в небе. Рута именно в ту ночь осталась у старухи. Парень пришел в условленное время. Вивдя разложила в печи огонь и принялась обкуривать хату зельями, а затем, взяв пучок волос и клочок полотна, подержала над дымом, что-то зашептала, а в конце громко закричала:

– Приди, Парася! Заклинаю тебя! Приди! Появись!

Парень от этих возгласов вздрагивал и молча молился. Вдруг волшебница крикнула:

– Уже идет!

Поднялся ветер, зашумели ивы, застонали совы и, словно из-под земли, раздался пронзительный визг. Дверь распахнулась, хлопец вздрогнул, и в дом ворвался ветер, а на пороге с выпученными глазами, с пеной у рта появилась Парася. Она тяжело дышала, словно преодолела большой путь. Колдунья взяла зелье и стала окуривать им девушку, а затем, силой раскрыв ей стиснутые зубы, влила в рот несколько капель какого-то напитка, отрезала пучок волос с косы и, обкурив зельем, стала что-то шептать.

И тут видение исчезло. Волшебница отдала Кирилу пучок волос и сказала:

– Иди домой и будь спокоен. Парася будет тебя любить. Но никому не рассказывай, что ты у меня был.

Рута не впервые была свидетельницей таких чар, но этот случай вызвал у нее тревогу, хотя и случилось так, как обещала колдунья: дочь кузнеца вышла за Кирила. Однако прожили они вместе недолго. Девушка вела себя так, будто пребывала во сне, часто бредила, вставала по ночам и слонялась по двору, а на утро ничего не помнила. И тогда Кирило не выдержал, пошел в магистрат и рассказал все райцам.¹¹

¹¹ Райцы – члены магистратского совета.

Глава 6 Экзамен

Из записок Лукаша Гулевича

«Март 1647 года.

Мне назначили экзамен, и в присутствии целого цеха аптекарей я ответил на все вопросы, большинство из которых были не такими уж и сложными и касались рецептуры лекарств от самых распространенных болезней. Правда, у некоторых из них все еще были устаревшие и, честно говоря, дикие взгляды. Они никак не могли смириться с тем, что я считал, будто грецкие орехи не притупляют память, а лук и чеснок не сгущают кровь. Я сказал, что орехи, наоборот, очень полезны для памяти и умственной деятельности, а лук и чеснок очень полезны при простуде, а еще их надо есть зимой ежедневно, чтобы не было проблем с зубами. Часть их с недоверием слушала меня, а другая отмалчивалась. Видимо, они все же учитывали то, что я младше их и почерпнул какие-то новые сведения.

По крайней мере, экзамены я сдал, и мне было разрешено открыть аптеку. А вскоре после этого со мной встретился войт и поинтересовался, не согласился бы я занять пост магистратского, или же судебного врача. В мои обязанности должно было входить присутствие при пытках, я должен был следить, чтобы допрашиваемого не довели до смерти. Я заколебался, но он меня успокоил тем, что это не так уж часто случается – раз в неделю, а то и реже. Исключения бывают только во время больших погромов, когда поймают целую шайку разбойников.

– Не бойтесь, не перетрудитесь, – добавил он. – Зато у вас будет постоянный доход. А когда станете магистратским служащим, то за деньги магистрата вам просмолят крышу, подлатают стены и почистят трубу. Ведь ваша аптека еще не приносит хорошего заработка?

Это была правда, поэтому я согласился.

– Тогда вам придется сдать еще один экзамен перед нашими докторами. Вы ведь, наверное, собираетесь также вести врачебную практику? Ваш дядюшка рассказывал, что вы учились на хирургии и посещали лекции ведущих хирургов.

Я ответил, что по мере собственных сил не хотел бы запускать своих знаний по хирургии.

– Чтоб вы знали, – сказал он, – между хирургами и врачами есть существенная разница, которая заключается в том, что если последние являются учеными и черпают свои знания из книг, то хирурги, а точнее, цирюльники, это всего лишь ремесленники, занимающиеся только внешними болезнями. Они одинаково умело пользуются и бритвой для бритья и скальпелем, лечат карбункулы, фурункулы, шишки и черную чесотку, практикуя в торговых будках на базарах и ярмарках или где-нибудь у дороги. Получив звание мастера, они не нуждаются уже ни в обучении, ни в знании латыни. Как и каждый ремесленник, они должны всего лишь отбыть свою мастерскую «работу». И люди, скажу вам, доверяют им больше. Вот такой парадокс. Я пытаюсь как-то с этим бороться, потому привлекаю ученых людей. А эти обманщики уже распоясались не на шутку. Им уже мало, чтобы их называли мастерами или цехмистрами, они сами себя награждают научными титулами бакалавра, лиценциата, доктора, хоть и не имеют на то никаких оснований. А еще надевают длинную темную сутану и остроугольную шапку, чтобы сразу было видно, что это за птица. Шуты, одним словом.

И вот я наконец увидел их, этих закоряченных в своих предрассудках и убеждениях тугодумов. Первое, о чем меня спросили, касалось того, как я отношусь к кровопусканию при высоком давлении. Я ответил, что этот метод уже устарел, его можно использовать только в крайних случаях и спустить можно не более полулитра крови. Эти мои невинные слова вызвали бурную реакцию. Доктор Якуб Нигель заявил: «Чем больше воды достают из колодца, тем больше хорошей в нее прибывает; чем чаще ребенок сосет свою мать, тем больше у нее молока. Так же и с пусканием крови».

Доктор Мартин Грозваер спросил, известно ли мне, сколько крови содержится в человеческом теле? Я ответил, что пять литров, и услышал громкий хохот и хлопанье ладоней по коленям.

– Чему вас учили? – кричал Мартин Грозваер. – Человеческое тело содержит двадцать четыре литра крови! А значит, без смертельных последствий можно двадцать литров нацедить.

Я спросил, был ли кто из присутствующих свидетелем такого обильного сцеживания, видел ли кто, чтобы кому-нибудь пустили крови больше, чем пять литров. Никто не ответил утвердительно, но все остались при своих мнениях. Я знал, что спорить с ними бессмысленно, ведь и в Венеции, и в Пруссии я встречал таких же врачей, которые иногда становились причиной смерти своего пациента именно потому, что пускали слишком много крови. Однако никто из них не понес наказания, поскольку вера в целебное кровопускание была повсеместна. Отвергали ее только мальтийские рыцари, у которых на вооружении были арабские медицинские трактаты, а следовательно, и я перенял от них – не раз, в конце концов, убедившись в их правоте – негативный взгляд на частое кровопускание.

Но львовские врачи так просто не сдались и принялись спрашивать меня, какие именно жилы надо вскрывать при различных болезнях. Я уже видел, что только себе наврежу, если скажу то, что думаю и что на самом деле собираюсь делать, поэтому ответил, что вскрывать нужно те жилы, которые находятся непосредственно возле больного места. На просьбу уточнить, я продолжил: «В случае болезни головы, лица, глаз нужно вскрывать жилы на висках, на кончике носа и во внутренних уголках глаз; при язвах во рту и зубной боли – жилы на губах и под языком, при болезнях сердца и легких – срединную жилу на плече; при недуге печени – правую жилу плеча, а при болях в почках и пузыре – подколенные жилы. При геморрое, болезнях матки и нехватке менструации – жилы на ступнях».

Если бы не мои предыдущие заявления, этот мой ответ они бы приняли более живо, потому что на аплодисменты я, ей-богу, не рассчитывал, но они ограничились благосклонными кивками и довольным гулом. Казалось – они приручили меня и выбили из меня всю дурь. По крайней мере, я видел, что они успокоились, а мое невежество относительно содержания крови в теле человека решили считать несущественным, так как главным в этом споре было не то, что я считаю содержание крови меньше, а чтобы, не дай бог, я не думал, что ее больше.

Я не хотел говорить, что в тех редких случаях, когда мне случалось пускать кровь, я ограничивался только жилами на локтях, плечах и ступнях. И место кровопускания не имело никакого значения. К тому же в некоторых случаях я считал холодные ванны и обливание холодной водой намного более эффективными, чем кровопускание. Но на этом экзамен не завершился, меня стали атаковать вопросами, источником которых были древние, еще античные представления.

– Как вы относитесь к труду медика Гаспара Боэна «Анатомический театр», изданному в 1621 году, где он пишет, – здесь Грозваер надел очки и развернул какие-то свои записки: – «В теле человека есть определенная кость, которая не подвержена уничтожению ни водой, ни огнем, ни одним другим элементом, также не может она быть разбита или сломана ни одной внешней силой. В день Страшного суда Господь окропит эту кость небесной росой, и тогда все члены соберутся вокруг нее и объединятся в одно тело, которое, будучи

оживленным Духом Господним, воскреснет живым. Евреи называют эту кость «Люс» или «Люц»».

Что я мог ответить, если, много раз делая всевозможные разрезы, я ни одной похожей на это описание кости не обнаружил? Я так и сказал:

– К версии уважаемого ученого я отношусь с полнейшим почтением, но до сих пор анатомы не сошлись во мнении относительно места расположения этой кости. Везалий настаивал, что она имеет форму горошины и содержится в первом суставе ступни, тогда как талмудисты поместили ее в основании черепа, в первом из двенадцати позвонков грудной клетки.

– Назовите определяющие элементы витальности, которые мы привыкли называть гуморами.

– Тело наше, этот уменьшенный мир, состоит из четырех стихий: теплой – собственно крови, сухой – желчи желтой, влажной – слизи, или флегмы, и холодной – желчи черной или меланхолии.

– Какие функции выполняет каждый гумор?

– Кровь – жизненный сок: когда она потоком льется из тела, то вместе с ней уходит и жизнь. Желчь – желудочный сок, необходимый для питания. Флегма – широкая категория, под которую подпадают все бесцветные выделения, – выступает смазочным материалом и охладителем. Заметная в таких субстанциях, как пот и слезы, она становится очевидной в момент ее избытка – при простудах и лихорадках, когда она выходит из носа и рта. Четвертый телесный сок, черная желчь, наиболее проблемный. Его почти никогда не обнаруживают в чистом состоянии; на него возлагается ответственность за замутнение других жидкостей – например, когда кровь, кожа или экскременты приобретают темный оттенок. Кровь делает тело горячим и влажным, желчь – горячим и сухим, флегма – холодным и влажным, черная желчь дает ощущение холода и сухости.

– С какими аспектами природного мира согласуются эти аналогии?

– С влиянием планет и сменой времен года. У холодной и влажной зимы много общего с флегмой, это время простуд. Кроме того, каждая стихия имеет свой цвет: кровь красная, желчь желтая, флегма бледная, меланхолия темная. С помощью этих характеристик можно объяснить, почему у представителей разных рас неодинаковой цвет кожи, почему у одного человека кожа светлого оттенка, у второго – смуглая, у третьего – розовая, у четвертого – желтоватая.

– Каково ваше мнение относительно того, что «состояние» телесных соков служит показателем «состояния» тела?

– Положительно. Ведь жизнь тоже «течет», поэтому жидкости и витальность принадлежат к одному смысловому порядку. Малейшее повреждение или рана приводят к появлению жидкостей, тогда как твердые части остаются скрытыми. Кроме того, можно наблюдать, как жидкие субстанции – еда, питье, лекарства – попадают в тело и покидают его, превратившись в флегму, слюну, пот, мочу и испражнения. А вот твердые части невозможно «поймать». Отсюда противопоставление тайного и зримого: вход и выход жидкостей, так же, как и их преобразование, становятся нитью Ариадны в лабиринте внутренних органов. Поэтому мы часто используем с диагностической целью мочу.

Я мог бы поиздеваться еще и сказать, что мы привыкли таких медиков называть «моче-пророками», но сдержался, ведь все они сидели передо мной. Эти надутые, напичканные устаревшими знаниями медики. Среди них не было никого моего возраста, всем было не менее пятидесяти. Для них наука замерла четверть века назад и с тех пор не продвинулась вперед ни на пядь. Они до сих пор были сторонниками учения Галена и не знали ничего о латинских переводах арабских трактатов. Видимо, поэтому и не желали сдаваться и пытались загнать меня в глухой угол. Но я хорошо ориентировался в античной школе медицины и с легкостью отражал их атаки.

– Как гуморы влияют на физические характеристики и темпераменты? – спросили еще они, и это был последний вопрос, на который я отвечал уже несколько раздраженным тоном, давая понять, что им не удастся поставить меня в тупик.

– Розовый цвет лица свойственен тем, у кого избыток крови; они бодрый, энергичны, выносливы. Те, у кого слишком много желчи, раздражительны, имеют холерическую комплекцию. Зябкость и бледность свойственны тем, кто страдает от избытка флегмы. Меланхоликов, в которых доминирует черная желчь, отличает смуглость, мрачный и печальный характер.

После этого их лица расплылись в улыбках так, словно они все вдруг возжелали избавиться от своей раздражительности и мрачности, они жали мне руки, а потом мы пошли на обед в трактир, где употребили ягненка и десяток уток.

Доктор Доминик Гелиас, старший среди экзаменаторов, который не задал мне ни одного вопроса, через несколько дней пришел ко мне в аптеку. Он был очень опрятно одет и при шпаге, а то, как он держал голову, как старался не горбиться, ступая мягко, по-кошачьи, свидетельствовало о том, что он всему своему облику и движениям придает какой-то вес, возможно, пытается выглядеть моложе. Доктор с интересом огляделся и спросил:

– А скажите мне, пан Мартин, эта гуморальная теория, которая пришла к нам из античности, еще актуальна там, на Западе?

Я предложил ему сесть в кресло и засомневался, могу ли ответить то, что думаю, но он тут же добавил:

– Видите ли, я, конечно, сильно отошел от современной науки, но имею свои определенные взгляды на ту или иную теорию, сопоставляя ее со своей практикой. И скажу вам, что практика моя дает большие основания для сомнений. Ведь все идет хорошо, пока жизненные соки мирно сосуществуют друг с другом в состоянии равновесия: каждый из них в определенной степени соответствует постоянным телесным функциям – пищеварению, питанию, живучести и выведению стула. Болезнь возникает, когда один из гуморов накапливается или, наоборот, исчерпывается. Например, при слишком жирном питании тело начинает вырабатывать слишком много крови, приводя к «кровяным проблемам» или же к давлению и, соответственно, к лихорадке. Как следствие – кровотечение, паралич или сердечный приступ. Недостаток крови или плохая кровь вызывают ослабление жизненных сил, кровотечение при ранении – обморок или смерть. Та же логика работает и в отношении других гуморов. Но когда у нас начинают лечить ту или иную болезнь, каждая из которых имеет свою символическую окраску, травами соответствующей расцветки, я начинаю смотреть на это, как на шарлатанство.

– То есть, когда лечат желтуху желтым зельем, а кровяное давление – красным?

– Именно так. К этим средствам добавляется и магия чисел, определяющая благоприятное или опасное время суток, день, месяц или год. Она играет на симметрии цифр: чтобы вылечиться от головокружений, нужно трижды пробежать через поле льна. Лихорадка пройдет, если девять дней подряд поститься и съедать по девять листьев шалфея. Леча от желтухи, поят отваром из воды девяти волн с девятью речными камешками. Важную роль играет также сочетание цифр и цветов: чтобы прошла ангина, нужно девять раз обернуть вокруг горла красный шарф. А наш постоянный страх, в котором мы живем и от которого не можем избавиться, – язва? Существует убеждение, что результатом инфекции является постоянная материя, которая может передаваться через прикосновение и сближение, а также из-за проникновения разлитого в воздухе яда, который люди могут вдохнуть или вобрать порами кожи. Одни говорят, что это такое семечко, которое в организме дает роковой урожай, другие – что это невидимый ядовитый зверек с необычайной силой размножения. Поэтому лечат язву приложением сушеных лягушек, собачьих легких и вскрытых голубей, которые должны вытягивать из больного влагу.

– Знаете, на Западе тоже встречаются адепты такого лечения. Здесь все зависит от степени суеверия владыки той или иной страны. Насколько он позволяет науке двигаться вперед. Ричард Напьер, английский пастор и врач, врачевал с помощью религии: он молился об исцелении своих пациентов. В дополнение обеспечивал их магическими образками и оберегами, которые они должны были носить для защиты «от злых духов, фей и колдовства». Есть врачи, которые утверждают, что здоровье зависит от привычки регулярно менять рубашку, каждое утро принимать таблетки из терпентина и, конечно, носить на шее в качестве амулета заячью лапку.

– У нас еще и не такое услышите. Якуб Нигель, один из тех, что вас экзаменовали, среди своих рецептов пропагандирует следующий: больной должен отварить яйца в собственной моче, затем закопать их в муравейнике, и когда муравьи их съедят, болезнь пройдет. При коклюше надо выйти на берег реки и смотреть на ее течение. Болезнь пойдет вслед за ним. А сколько легковых хаживают на похороны совершенно чужих им людей! И все ради чего! Чтобы прикоснуться к покойнику, благодаря чему болезнь покинет живое тело, перейдя в мертвое. У помоста или виселицы толпятся матери с больными детьми, чтобы те притронулись к трупу. Эпилептики ловят ртом брызги крови казненного. О-о, вы увидите здесь еще много интересного. Но бороться с этим бесполезно. Приходится закрывать на все это глаза и делать свое дело.

– Я к этому готов, – сказал я. – Но, знаете ли, касательно этих гуморов... сколько я не исследовал трупы, ни разу не видел ни флегмы, ни желтой или черной желчи, ни духа жизни. Все эти греческие фантазии мало что нам объясняют.

– Некоторым для медицинской практики вообще не надо никаких знаний. Вы еще не знакомы с нашим городским палачом? В связи с вашей должностью вы вынуждены будете и с ним общаться. Так вот – он тоже занимается медициной. В конце концов, это у палачей уже стало традицией. Он имеет исключительное право на то, чтобы взять себе отрубленную голову.

– Зачем она ему?

– О, у такой головы немало лечебных функций. Сначала ее нужно положить в муравейник, пока муравьи совершенно ее не очистят, а затем спрятать в подвале, где царит сырость, и ждать, пока она слегка не порастет мхом. Этот мох палач собирает и продает. Многие верят, что он лечит от различных недугов. А вы навещали в другие наши аптеки?

– Нет, а надо было?

– Конечно, надо. Ведь ваша аптека – не типичная. В образцовой аптеке должно быть так называемое мумие, точнее, менструальная жидкость умершей женщины, маринованное человеческое мясо, человеческий жир, мох, выросший на черепе покойника, а также наливка на костях. Эти аптекари являются постоянными клиентами палача, он их обеспечивает всеми упомянутыми ингредиентами.

– Ну, это мне известно. Видел не раз в немецких землях, где издан был указ, чтобы фармацевты держали у себя под рукой не менее двадцати трех различных частей человеческого тела.

Говоря это, я обратил внимание на шпагу доктора и спросил:

– Вам тоже больше нравятся шпаги, а не сабли, как большинству шляхты? Судя по ножнам, там настоящая толедская сталь?

– А-а, да-да, – оживился доктор. – Это еще моя юношеская забава, но я не расстанусь с ней никогда. И не раз она меня спасала. Сабля хороша для всадников, а я предпочитаю не подниматься слишком высоко над землей. А вы, я вижу, знаток?

Я снял со стены свою шпагу и, вынув из ножен, подал доктору.

– О-о! – не сдержал своего восхищения тот. – Это лезвие знаменитого оружейника Томаса д'Альяла. Я узнал его клеймо. Замечательная вещь.

– При случае хотел бы спросить, не посоветуете ли мне какого-нибудь учителя фехтования? Есть такие здесь, во Львове?

– Да-да. И не один. Только это у нас называется не фехтованием, а шермеркой. Но у вас уже есть практика?

– Да, конечно. Довелось немного повоевать, но с тех пор как у меня повреждена нога, я ограничен в маневре. Поэтому хотелось бы усовершенствовать шермерку – я правильно выражаюсь? – не слишком прыгая.

– Прекрасно. Я познакомлю вас с мастером Аланом Рамзеем. Он из Шкоцци. Здесь у нас есть целая Шкоцкая улица, где живут тамошние купцы. А у Рамзея есть своя школа шермерки. К нему приезжают и из других городов, или он порой выезжает, когда в его учении нуждается слишком уж большая шишка. А знаете, – доктор поднялся, собираясь уходить, – я вас приглашу на наши посиделки. Мы собираемся время от времени в шинке «Под Тремя Крюками». Такая, знаете ли, своя компания. Ведь со временем друзей надо выбирать, как оружие. Там будет также и Рамзей. А еще лицо, вам знакомое, – доктор Калькбреннер. Его несколько демонизируют, но в целом – интересная персона.

– Однако он не был среди тех, кто принимает экзамены.

– Нет-нет, он слишком независим. Поэтому в магистрате его не любят. Зато он делает то, чего не делают другие. А именно – трепанацию черепа. О других его революционных шагах в хирургии распространяться не буду, потому что все это нелегально и тайно.

– О нем рассказывают, что он знаком с дьяволом. Что дало основание для таких слухов?

– Народ у нас суеверный, как, впрочем, много где. Где-то в Андалузии Калькбреннера уже сожгли бы. Он прибыл во Львов вместе с вами, но успел захватить воображение здешних легковерных. О вас, по крайней мере, он отзывался очень положительно.

– Странно. Мы почти не знакомы.

Доктор Гелиас посмотрел на меня и сказал:

– Благодаря вам он спас свою жизнь. Жаль, что ценой вашего же товарища. У него есть своя широкая клиентура. У нас, знаете ли, больше любят иностранцев. Видимо, скоро вы и сами это на себе почувствуете.

Он говорил это, не спуская с меня глаз, словно давая понять, что ему известно нечто большее, чем было произнесено вслух. Мы попрощались, договорившись встретиться в шинке».

Глава 7

Наука меча

Палач города Львова Каспер Яниш унаследовал свою весьма уважаемую профессию от отца, палача города Сянок, у которого он был подмастерьем, и выполнял свою работу с рвением и усердием. Город был доволен его ответственным трудом и исправно платил ему как за пытки и казни, так и за другие, не менее важные обязанности, доверив палачу еще и местный публичный дом, который находился на маленькой улочке под Высоким Замком, прямехонько над шинком Герцеля Гнауфа «Под Желтой Простыней».

Также в обязанности палача входило отлавливать бездомных собак и кошек, выгонять свиней из города, за каждую такую свинью получая вознаграждение; он должен был следить за тюрьмой, распоряжаться в ней, поставлять заключенным свечи и сено за счет города. Естественно, со всем этим сам он справиться не мог, тут ему на помощь приходили подмастерья. Палач чувствовал себя настоящим хозяином города, и община города в долгу не оставалась, оплачивая не только работу, но и все орудия его труда, закупку дров и соломы для сжигания, дерево для виселицы и помоста. Также община заботилась о его домике – за свой счет и печь переставила, и защелки на дверях сменила, даже на лекарства и лечение он мог получить средства, а в случае смерти город его и похоронил бы.

Все виды казней были четко классифицированы, и преступник, ожидая решения суда, уже и сам хорошо знал свой приговор. Воров за кражу, превышающую три гроша, казнили. За кражу, совершенную днем, казнили мечом, а за ночную – веревкой. Поджигателей и колдуний сжигали, как иногда и виновных в мужеложстве, женщин-воровок, распутниц и различных мошенников топили, матерей-детоубийц и тех, кто выходил замуж во второй раз, не сообщив о первом замужестве, могли утопить, а могли и живьем в землю закопать. А уж отсечение головы считалось казнью почетной, но в то же время достаточно универсальной, поэтому применяли ее порой и для упомянутых преступлений, потому как такая казнь привлекала куда больше внимания и ее потом долго обсуждали. Особенно если она не ограничивалась только отсечением головы. Насильника и убийцу Якуба Зембку в 1645-м сначала раскаленными клещами рвали прямо на Рынке, затем во второй раз его рвали уже за воротами и там, на том месте, где он изнасиловал и убил девушку, разрубили на четыре части и развесили на столбах. А одну детоубийцу сначала публично до крови высекли розгами, а затем должны были зашить в кожаный мешок вместе с собакой, петухом, обезьяной и ящерицей и бросить в реку. Таким был изысканный приговор, но когда Каспер представил присяжным счет за воловью шкуру и обезьяну, те решили ограничиться казнью мечом.

Первой казнью, которую провел Каспер собственноручно, было сожжение. Произошло это в 1641 году. Судья рассказал, что задержали мошенника, который выдавал себя за священника-бернардинца. Некий Альберт Вироземский, поступив в монастырь францисканцев и пробив там где-то с год в новичках, решил, что жизнь в монастыре ему не по вкусу. Поэтому он похитил печать у настоятеля и изготовил бумагу, будто он – священник ордена и может женить, исповедовать, крестить детей, причащать и хоронить. Вот с этой бумагой он и стал ездить по селам в окрестностях Львова и отправлять службу. А поскольку язык у него был хорошо подвешен, то умел напелсти он немало. Наконец его поймали и посадили. За мошенничество его ждала смертная казнь. И тогда он сделал ужасную вещь: решил продать душу дьяволу.

Он проколол палец и написал кровью на бумаге, что отдает себя во власть дьявола, отрекаясь от Господа Бога и Матери Божьей – только бы нечистый освободил его из тюрьмы. Писульку эту он спрятал за пазуху. Дьявол не замедлил предстать перед ним в образе юноши, посоветовав, чтобы ради своего освобождения он называл себя в суде священником. Альберт

послушно выполнил этот совет. Тогда дьявол сказал ему, что теперь остается разве что ножом заколоться или повеситься, если не хочет жариться на огне. Альберта это удивило, и он показал свою писульку, но дьявол сказал, что документ оформлен не так, как полагается. Он дал Альберту бумагу и перо, а также нож, чтобы тот надрезал средний палец левой руки и записал то, что дьявол ему надиктует, и лишь тогда он той же ночью спасет Альберта.

Бедняга поверил и в одной бумажке отрекся от Господа Бога, а во второй отписал свою душу дьяволу, в чем признался на суде.

– И что вы думаете? – закончил рассказ судья, посвящая палача в подробности дела. – Он всех нас убеждал, что действительно видел дьявола, который приходил к нему сквозь стену. Но черт был хитрый. Он и не думал освободить этого отступника – и дальше уговаривал его повеситься. Что ж – кто должен гореть, висеть не будет.

Палачу всегда работы хватало, потому как приходилось пытаться и казнить не только львовян, но и крестьян и мещан из тех местностей, где своего палача не было. Было и еще одно обязательство, которое лежало на нем, – собирать по домам нечистоты и вывозить за город. Правда, Каспер за этим делом только наблюдал, а телегу с большой железной бочкой везли четверо татар, схваченных когда-то в плен, но жили они вольно и могли, если бы очень захотели, удрать, однако не удирали, а послушно выполняли свою вонючую работу, вывозя все это сокровище за город и выливая в Полтву на радость лягушкам и ракам, которых расплодилось там столько, что целые стаи аистов, гусей и уток дневали и ночевали по берегам и поймам реки.

Когда Каспер еще был юношей, отец иногда брал его в Кросно, Стрый или в Перемышль, где, пользуясь тем, что их никто не знал, они быстро находили веселую компанию и гуляли два-три дня в какой-нибудь корчме. Собственно, в Стрые «Под Короной» положила на него глаз бойкая бабенка, муж которой, перебрав, рухнул под стол и громко захрапел.

– Не были бы вы, паныч, так любезны, – обратилась молодуха к Касперу, – отнести моего мужа в хату? Вы, я вижу, мужик здоровый, а оно такое хилое, что вы, ей-богу, не перетрудитесь.

И при этом засмеялась таким заразительным, таким бодрящим смехом, что у Каспера внутри что-то екнуло, когда увидел ее глаза, горящие огнем, от которого уже и весь он занялся и запылал с ног до ушей. Не долго размышляя, он выволок пьяное тело из-под стола, закинул его охапкой на плечи и вынес из корчмы. Бабенка шла впереди и показывала дорогу. Был поздний вечер, в садах на сладкой траве засыпало лето под колыбельную кузнечиков.

По дороге Каспер узнал, что ее муж – мельник, и живут они за плотиной у реки. Бабенка время от времени спрашивала, не хочет ли он отдохнуть. Но Касперу неохота было сознаваться, хотя под весом тела, залитого по самое адамово яблоко пивом и медовухой, уже и ноги заплетались, и он только перебрасывал пьяницу с одного онемелого плеча на другое. Он уже не смотрел под ноги, брел вслепую, прислушиваясь к шагам и голосу женщины, который заглушал своим храпом мельник.

– Пришли, – наконец сказала она, – занесите его на сеновал.

Каспер почувствовал большую радость, сбрасывая пьяный мешок с плеч. Тот только проворчал что-то невыразительное, и снова захрапел.

– Не знаю, как вас и благодарить, паныч. Дай вам Бог здоровья. Может, желаете вина?

– Не знаю... – замылся Каспер, растирая ладонью онемелое плечо.

– Э, да чего там, щас вынесу.

Через минуту она появилась с корзиной и поманила его к реке, там в лозах они уселись на траву, и молодича угостила его сперва вином, затем колбасой и, наконец, собой. Каспер аж захлебнулся ее горячими поцелуями и дорвался до нее так, словно в последний раз в жизни, на самом же деле – впервые. С тех пор было у него не одно такое приключение, но, как правило, на один раз, потому как он знал, что, собираясь стать палачом, не сможет ни с кем связать свою судьбу, разве что со шлюхой, которые волочатся за каждым войском и готовы на все ради хлеба и вина.

Отец Каспера был образцовым палачом, которого для особых случаев приглашали в другие города, даже в столицу, но после каждой казни или пытки он должен был здорово напиваться, чтобы восстановить расшатанное душевное равновесие, а во время одной такой пьянки в Кросно в корчме он сцепился с мажарскими вояками и, разбив одному голову кружкой, получил саблей по шее и, истекая кровью, рухнул в канаву у дороги. Тогда Каспера забрал к себе львовский палач в подмастерья, и парень сразу почувствовал разницу между обоими палачами, потому что если его отец был мягкосердечным истериком, то львовский палач Гануш Корбач напоминал бездушную мумию, презирающую весь мир, поскольку держит его в кармане и играет им, как яйцом. Гануш научил Каспера двум очень важным ударам по шее, которые гарантировали мгновенное отсечение – один попадал между третьим и четвертым позвонком, а второй – между четвертым и пятым.

– Казнь мечом – это тебе не молотилом и не саблей махать. Тут мастером быть надо, – говорил он. – Ты должен нанести удар вертикально с максимальной прецизионностью. Потому что если осужденный в последний момент дернется или попытается вырваться, меч попадет ниже или выше. Тогда не удастся отсечь голову одним махом. Люди увидят, как казненный страдает, как у него изо рта булькает кровь, а он еще пытается дышать, и дыхание это довольно громкое. Оно больше похоже на рев. А толпа в этот момент затаила дыхание, и в этой тишине слышно малейший звук. Второй удар в таком случае нанести будет еще труднее. А тогда ты услышишь уже и проклятия, и ругань, и даже, хотя это запрещено, в тебя могут полететь камни. Однажды у меня вышел странный случай, до сих пор не могу его забыть. Довелось мне казнить одного воришку, которого не раз ловили, наказывали плетью и, наконец, решили отрубить голову. И вот, когда отрубленную голову положили на камень, она развернулась, как будто хотела оглянуться, и, выпучив на меня глаза, высунула язык и даже раскрыла рот, словно хотела что-то сказать. Я остолбенел, все это длилось очень недолго. Теперь меня постоянно мучает один вопрос: что он мне хотел сказать? Может, действительно что-то важное?

У отца Каспера был другой стиль – он отсекал голову, целясь мечом под самый затылок, но наискось, так, что меч срезал нижнюю часть челюсти. И когда подмастерья поднимали голову за волосы вверх, чтобы толпа могла полюбоваться, то снизу вываливался окровавленный язык и дергался, на радость зевакам. Услышав об этом от Каспера, Гануш весьма заинтересовался и, подробнее расспросив, тоже начал практиковать такой способ, срывая аплодисменты и возгласы восхищения.

У каждого есть своя цель в жизни, а какая цель может быть у палача? Единственной целью могло быть желание стать палачом таким же известным, как и его отец или Гануш, а то и превзойти их в мастерстве. Он должен, даже оказавшись вне общества, все же возвыситься над ним, потому что толпа жаждет зрелища, и должна это зрелище получить, и его задача сделать это зрелище незабываемым, чтобы люди, которые его презирают, могли еще долго об этом говорить. Толпа любила казни больше, чем театральные представления, ярмарки или зимние празднования. Страх, пронизывающий преступника, восходящего на помост, так же пронизывал и людей, но и пронизывал их верой в себя, верой в то, что им никогда не придется повторить этот путь, ведь они не такие, они – другие, они – лучше, они никогда не поскользнутся на жизненном пути, а потому они жадно ловили каждое движение приговоренного, каждое слово и взгляд, чтобы носить его в себе и вспоминать до следующей казни. И все же, веря в свою непогрешимость, они часто представляли себя на месте жертвы и то, как бы они повели себя там, на помосте, возможно, поглядывали бы гордо на толпу, как Иван Пидкова, или сыграли бы на свирели, как опришек Гойда, а может, их трясло бы, как в лихорадке, а колени подкашивались бы, и головой бы они вертели по сторонам, ища спасения, и жадно целовали крест, надеясь, что хотя бы здесь их ждет какой-то просвет.

Когда главный львовский палач состарился и понял, что лучше вовремя самому уйти, чем тебя прогонят с насмешками и свистом, с разрешения магистрата он передал свою должность

Касперу, а сам вознамерился было выехать куда-нибудь в Мазовию, чтобы затеряться среди неизвестного люда. Но только он выехал за Краковские ворота, как на первом же повороте напали на него разбойники, надеясь на хороший куш, и, ограбив, зарубили на месте. Сколько им удалось украсть, никто не знает, но палач мог скопить неплохой капитал, и в этом никто не сомневался. Похоронили его за пределами кладбища, там же, где хоронили всех, кого он казнил или кто сам повесился или как-то иначе сам лишил себя жизни. Похоронили без священника, как последнего разбойника. Единственными людьми, присутствовавшими при этом, кроме могильщиков, был Каспер и две шлюхи, которые были благодарны Ганушу за то, что он отбил их когда-то от пьяных рейтаров, пытавшихся вывезти их из города на утеху армии.

В наследство Каспер получил жилье палача между двойными стенами, окружавшими город, стол палача в шинке «Под Красной Еленой», куда никто, кроме него, не имел права садиться и даже не пытался, и обозначенное только для него одинокое место в костеле. Раньше палачи вместе с челядью жили в Шевской башне, рядом с которой была еще одна, служившая тюрьмой, где иногда и головы рубили, когда не хотели большой огласки. Евреям, жившим неподалеку, такое соседство скоро обрыдло, потому что стоны истязаемых не давали покоя. После многих прошений им наконец удалось избавиться от громогласных соседей, и палачам выделили жилье у стен Галицких ворот. Каспер жил там вместе с Ганушем как подмастерье, а потом и сам стал хозяином и занял все помещение.

Разбойники, ограбив Гануша, забрали самое ценное, а остальное имущество бросили, и оно вернулось Касперу. Был там деревянный резной сундук с вещами и стопка исписанной мелким почерком бумаги. Когда Каспер внимательно присмотрелся, то понял, что это написанные собственноручно палачом записки, нацарапанные невесть для кого и для чего. Это была своеобразная история разбитых иллюзий и обманутых амбиций. Что вынудило его к этой писанине? Может, он взялся за это, чтобы хоть как-то заполнить бессонные ночи старости, воскресить себя в минувших днях, окруженных стеной воспоминаний, желая вытащить себя из болота, в котором провел всю жизнь, или же чтобы очистить себя от него, чтобы найти там, во вчерашнем дне, хоть какое-то зерно, которое оправдало бы смысл его существования, которое могло бы удостоверить на Страшном суде, что и он был человеком.

Палач конечно же литературным даром не обладал, но процесс писания часто заставляет людей говорить совсем иначе, чем в жизни, и, комбинируя уродливые каменные предложения, возводя словесные монстры, которые не рассыпались только благодаря своему неестественному весу, он создал нечто нечитабельное и скучное. Продираться сквозь эти словесные дебри было трудно и утомительно, однако Каспер погрузился в чтение, надеясь узнать хоть что-нибудь для себя полезное – то, чего ни отец, ни Гануш ему не открыли.

Отличие от Каспера, Гануш не унаследовал ремесло от отца, потому что его отец, собственно, походил разве что на клиента палача, занимаясь различными непотребными делами, точнее – был последним ворюгой, а поскольку такое занятие рано или поздно обрывается, то и здесь не обошлось без досадного случая, который положил конец кражам. Однажды старый Корбач украл коня у самого судьи магистрата, но, как назло, лошадь была особой породы – черный иноходец, которого судья купил у македонского купца. Глупый вор вместо того, чтобы погнать коня продавать куда-нибудь на Буковину или Мультиению, отправился с ним на ярмарку в Жовкву, а там добрые люди, знавшие судью и гостившие у него, сразу коня и признали. Вора скрутили и вместе с конем отправили во Львов. Судья, который уже места себе не находил от такой невозместимой потери, обрадовался, как на свет народился, и на радостях велел подвесить конокрада на крюк и с помощью соответствующих методов добился у него признания во всех его прежних похождениях, после чего несчастный папаша напоминал вылущенный гороховый стручок, и казнь через четвертование принял уже с облегчением.

Жена старого Корбача Анна, узнав, что скоро станет вдовой, бросилась по людям и стала расспрашивать, каким образом можно мужа спасти, и одна пани, у которой мать Гануша приби-

рала, нашла выход. Она не знала законов, но знала обычаи. По ее словам, было только две возможности спасти приговоренного к смертной казни. Первая заключалась в том, чтобы нашелся кто-то, кто согласился бы стать под венец с обреченным или обреченной, тогда наказание ограничивалась только символическим прикосновением меча к шее. Поэтому неудивительно, что на место казни всегда сбегались девушки, чья репутация не давала надежд на теплое семейное счастье. Приходили и те, над кем тем или иным образом поиздевалась природа. Однако этот обычай имел отношение только к парням и девушкам. Но существовал еще один. Если сын осужденного вызывался идти в науку к палачу, стать его подмастерьем, а потом и самим палачом, то отцу отсекали только левую руку.

– У вас двое сыновей, – сказала мудрая пани, – вот и выберите из них того, кто принесет себя в жертву. В конце концов, не такая уж плохая специальность. Заработок стабильный, уважение общества обеспечено, – тут она засмеялась.

Анна с плачем вернулась домой и рассказала сыновьям, какой жертвы ждет от них их дорогой папаша. Старший сын наотрез отказался от такой чести, а младший покорился.

«Был я еще молодым, – писал палач, – чтобы мог предвидеть, какие страшные беды меня ждут, какую беду кует мне судьба. Любил я отца своего искренне и верно, и был я готов на все ради него. Не знал я тогда, что кладу черную печать на жизнь свою, что вверяю душу на муки, и никогда мне не искупить грехов своих, и буду я держать перед Господом Богом ответ на Страшном суде, яко последний из последних, яко ничтожнейший из ничтожных. Не знал я, что с того дня становлюсь юродивым, и будут меня сторониться, яко прокаженного, и плевать на следы мои, и никогда не позволено мне будет, переступив порог святой церкви, сесть возле людей, а навсегда я вынужден буду торчать где-нибудь в углу, чтобы на меня и взгляд людской не упал».

Вот так удалось спасти отца-конокрада, а однорукий вор – не вор, так что пришлось старику искать другое занятие. Гануш пошел к палачу в подмастерья, а опозоренные родители забрали его брата и покинули родные края. Больше он их не видел. И только лет через двадцать, когда пришлось Ганушу казнить сразу нескольких дезертиров, которые разоряли окрестности, в одном из них узнал он своего брата. И брат, также узнав его, заплакал, бормоча: «Видишь, видишь, как нам встретиться пришлось». «Вижу, – сказал Гануш, – но это твой выбор. Ты мог быть на моем месте».

Далее Гануш описывал весь процесс своей палаческой науки, признаваясь, что должно было минуть добрых четыре года, прежде чем он привык ко всем тем жутким зрелищам, которые пришлось ему наблюдать в застенках или на помосте под прангером – этим зловещим каменным столбом с вытесанными фигурами палача и Фемиды, служившим местом, у которого совершались казни. И далось ему это привыкание нелегко. Отсеченные головы мерещились по ночам, выпученные окровавленные глаза пронизывали его ледяным взглядом, множество голосов звенело в ушах, и этот ужасный назойливый звон заглушал другие звуки. Он понемногу чувствовал, как теряет способность слушать щебет птиц, даже нежное пение иволги казалось ему карканьем ворона, цветы на лугах пахли кровью, и даже вино имело ее вкус. После работы, придя домой, он долго мыл руки, тер их песком, но не успевал сесть за обеденный стол, как ощущение грязных рук снова заставляло его бежать на улицу и мыть, отмывать кровь, проступающую на ладонях. Он брезговал этими руками касаться своего лица, руки стали ему чужими, и тогда, когда люди обычно вообще не занимаются своими руками, он все время помнил о них, о том, что они – при нем, что он носит их при себе, и о том, чем они занимались в тот или иной день. Он всегда тщательно подпиливал ногти, чтобы чужой крови негде было спрятаться, но

она была хитрее его. Он брил лицо и голову, но кровь всегда находила уютное место, например, уши или нос. Он всегда чутко выявлял ее.

Гануша кроме всего прочего угнетало то, что, став учеником палача, он вдруг лишился всего, чем жили его ровесники: от него отrekliсь друзья, он с грустью смотрел на их забавы, его, казалось, навеки покинул смех, хищное и жестокое животное поселилось в его душе и подтачивало молодость.

Каспер узнал в этих записках и первые свои ощущения, хотя у него они не были настолько драматичными. Конечно, сны тоже бывали страшными, но днем он стряхивал их, как дождевые капли, относился к своему долгу, как к обычной работе, – заставил себя так относиться. Иначе можно было сойти с ума. Разница между Каспером и Ганушем заключалась в том, что у Каспера отец был палачом, и он с детства оказался в реалиях, с которыми легко смирился. Он не стоял перед выбором, кем быть, он видел, что палач – это очень важная персона, к которой все относятся с опаской. Касперу хотелось стать таким, как отец, чтобы так же гордо расхаживать по улицам и ловить на себе встревоженные взгляды. У Каспера с самого рождения не было ни друзей, ни каких-либо родственников, кроме отца. Матери он не знал, и лишь незадолго до своей гибели отец рассказал ему, кем была его мать – обычной деревенской девушкой, которую соблазнил сынок львовского патриция, гостивший в их краях. «Да, да, сынок, течет в тебе голубая кровь», – смеялся отец. В общем, девушка забеременела и, пытаясь скрыть свой грех, бросила только что родившегося младенца в реку. «Однако ты не утонул, – продолжал отец. – Ты был бойкий мальчик. Тебя выловили нищие, вытащили, завернули в свои лохмотья и, надеясь на вознаграждение, со всех сил побежали в магистрат. Нашелся и очевидец, видевший, как бедная девушка бросала тебя в реку. Ее схватили и приговорили к смертной казни. А детеныша я выпросил и забрал к себе. Нанял кормилицу и вырастил тебя».

«И что стало с моей матерью?» – спросил Каспер дрожащим голосом, предчувствуя страшный ответ.

«Ее утопили. Вот что с ней произошло, – сказал палач и, помолчав, добавил: – Я запихнул ее в мешок, завязал и сбросил в воду».

«А перед тем мучил?»

«Это называется – подверг пыткам. Да. Конечно. Таково правило. Суд должен был узнать имя зачинщика этой беды».

«И узнал?»

«Она сказала, что сообщит имя одному только пану бургомистру на ухо при условии, что он сам решит, стоит ли его разглашать. Так и случилось. Она шепнула ему что-то, он побелел, и на том закончилось. Никто этого имени больше не слышал».

«А как звали мою мать?»

«Гедвига. Она была красивая. Ты очень на нее похож».

С тех пор Каспера как магнитом тянуло во Львов, хоть он и не представлял, каким образом может узнать, кто был его отец.

Глава 8

Мастер малодобрый

Читая записки Гануша Корбача, Каспер невольно проникся жалостью к этому маленькому мальчику, по воле обстоятельств силой вырванному из привычной жизни, чужому среди своих. Став палачом, Гануш все так же искал утех на стороне, уходя в загул в городках, где его еще не знали, но львовский палач – фигура солидная, полюбоваться его незаурядным мастерством не раз съезжались зеваки из близлежащих поветов, а потому бывали случаи, когда его узнавали и ужасались, что сидели с ним за одним столом в шинке.

Каспер вспомнил, как после очередной забавы с мельничихой в Стрые он отправился в корчму. И все было хорошо, он быстро влился в компанию местных завсегдатаев, угостив их пивом, но посреди забавы вдруг влетел запыхавшийся вестовой из Львова и закричал:

– Пан малодобрый! Возвращайтесь скорее – наконец задержали этого разбойника Чугая. Велели вам что есть духу мчаться назад и зарубить его, потому как боятся, что он снова из тюрьмы удерет!

Каспер моментально позеленел, заметив, как глаза присутствующих жгут его палящим жаром, как их рты кривятся в ругательствах и проклятиях, но поднялся, бросил на стол кошелек и вышел. Вслед услышал нервный шум, а затем оханье трактирщика: «Ну разве не цурис?¹² Ну, не цурис? А я еще и с этой шельмой чокался!»

Каспер выскочил из корчмы, а потом гнал коня до Львова так немилосердно, что у самых ворот конь захрипел и, неуклюже перебирая ногами, рухнул на землю. Каспер остаток дороги до Ратуши преодолел бегом. На площади под позорным столбом уже возвышался помост, а вокруг было полно зевак. Завидев палача, толпа оживилась и загудела, подгоняя его. Каспер поднялся к старосте и рванул яростно двери. У старосты от неожиданности задергался глаз.

– Какого черта?! – прогремел Каспер. – Какого черта, я вас спрашиваю, вы не дадите мне передохнуть? Я что – не человек? Засвербело им, видите ли! Как будто нельзя казнить завтра!

– Э-э, вы того, не кипятитесь, а то ведь я тоже могу вскипеть, если что. Мы этого Чугая ловили уже раз пять, если не больше, и каждый раз он давал деру. Говорят, у него в ладони такое зелье зашито, которое открывает все замки. Сегодня утром мы поймали его у любовницы, и не хотим рисковать. Вы уж не сердчайте, мы вам сполна заплатим. То есть вдвойне.

– Так хоть послали бы кого посметливее! А этот дурак на всю корчму: «Па-ан малодобрый!»! Чтоб ему черти приснились.

– Вот за это извините. Мы ему этого не поручали, чтоб вопил на всю корчму. Можете на нем согнать свою злость, если хотите, но вы должны и нас понять. Кто-кто, а мы общий язык всегда найдем. Как-никак, мы слуги закона, разве нет? И нет над нами судьи, кроме Бога.

– Черта, хотели вы сказать?

– Чтоб ему! Белый день, а вы нечистого вспоминаете. Перекреститесь и приступайте к работе.

– Что я должен с ним сделать? – спросил, сдерживая ярость.

– Отрубить голову. Немедля. – Староста отпер сундук. – Переодевайтесь.

– Не хочу. Пойду так.

– Что – и капюшон не наденете?

– Нет.

– Как это? Палач всегда должен быть в красном капюшоне, чтобы преступник его не сглазил. Таков порядок.

¹² Цурис (евр.) – беда, неприятность.

– От кого я должен рожу свою прятать? Все меня и так как облупленного знают. А от сглаза у меня есть свои обереги. Возьму только кожаный фартук, чтобы кровью не забрызгаться.

– Гм, как хотите. Фартук ваш почистили и спереди намазали воском, чтобы кровь меньше прилипала. Это пан Шольц посоветовал. Видел, говорит, в Богемии, – староста подал Касперу фартук и меч.

Карающий Меч Палача висел у Каспера дома на стене, но еще был Меч Возмездия, который имел церемониальные функции и хранился в помещении суда; его нес судья перед собой к месту казни, чтобы показать свою власть над жизнью и смертью преступника. Такие мечи были украшены поучительными сюжетами и глубокомысленными надписями. Меч Палача, унаследованный от предыдущего палача, был украшен распятием и надписью:

«Обретя это, потеряешь, пока найдешь.
Купив это, ограблен будешь, пока купишь.
И умрешь, пока состаришься».

В отдельных случаях для казни использовали и Меч Возмездия, когда это касалось известных преступников, и это был именно такой случай. Каспер никогда раньше не держал этот меч в руках. Меч был длиной в локоть и тяжелее Карающего меча, на нем с одной стороны была изображена виселица с повешенным, а с другой – великомученица святая Екатерина. Ниже вдоль лезвия шла надпись:

«Над грешником сей меч я поднимаю,
И под ударом смертным обещаю:
Хоть потеряешь жизнь ты от меча телесную,
Получишь Царство ты взамен Небесное».

Каспер попробовал пальцем лезвие, оно было острое. В то же время заметил, что вес меча смещается в зависимости от того, куда его направить – вниз или вверх. Он удивленно посмотрел на старосту.

– А что – не видели еще такого? – засмеялся тот. – Там в мече имеется полость, заполненная до половины ртутью. При ударе ртуть с силой направляется к острию, а это, я вам скажу, значительно повышает силу меча.

– Вон оно что. И сколько лет этому мечу?

– О-о, пожалуй, добрых двести. Точно не знаю, хотя при желании можно заглянуть в магистратские книги. Одно скажу с уверенностью: на нем еще нет ста казней, потому как использовали его не так часто. Так что еще послужит.

Каспер знал, что после ста казней город торжественно закапывал меч в землю, потому что он выпил слишком много крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.